

Годъ I.

Мартъ—Апрѣль.

1899 г.

СР.

ТОМСКАЯ ОКРУЖНАЯ
Центр. Общественная Библиотека

Инв.: Шифр:

№ 44409 05/57 1899 со.

Цена Р. — К. —

05(57)/1899
269-п.с-

Дорожникъ

ПО СИБИРИ И АЗИАТСКОЙ РОССИИ.

JTINÉRAIRE

À TRAVERS LA SIBÉRIE ET LA RUSSIE D'ASIE.

Дорожно-путевое руководство по Сибири и Азии. Москва, 1899 г.

Т. Ц. Б.
ПЕРЕИМВЕНТАРИЗАЦИЯ
1933 г. № 157

ВЫХОДИТЬ ШЕСТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Книга II.

Томская
Окружная Центр.
Опорная БИБЛИОТЕКА

Знаете ли вы? — ВЪ КНИГѢ ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

Въ книгахъ
Берегите книгу!

1899.

АКМОЛИНСКЪ.

(Очеркъ изъ замѣтокъ туриста).

„Россійскій“ обыватель, вообще, отличается значительною беззаботностью въ отношеніи отечествовѣдѣнія. Представленія его объ отечественныхъ окраинахъ, сплошь и рядомъ, блещутъ невѣжествомъ и, вдобавокъ, невѣжествомъ не простымъ, а въ значительной степени приправленнымъ удивительнымъ извращеніемъ фактовъ дѣйствительности и преувеличенностью, доходящей порой даже до каррикатурности. Еще до послѣдняго времени у многихъ Россійскихъ обывателей живо представленіе о Сибири, какъ исключительно о странѣ морозовъ, медвѣдей и.... золота. Вообще, на долю Сибири, какъ самой обширной и вмѣстѣ съ тѣмъ самой неизслѣдованной окраины нашего отечества, больше всего выпало проявленій этой беззаботности Россійскаго обывателя по части отечествовѣдѣнія. Представленія о географіи, топографіи, этнографіи и административномъ устройствѣ Сибири въ большинствѣ даже тронутыхъ образованіемъ Россійскихъ обывателей настолько сбивчивы, неясны, туманны и подъ часъ даже нелѣпы, что положительно способны иной разъ привести кореннаго сибиряка въ полное отчаяніе. Несомнѣнно, въ значительной степени незнакомству съ Сибирью содѣйствовала ея отдаленность отъ центра отечества въ связи съ отсутствіемъ культурныхъ путей сообщенія. Еще совсѣмъ недалеко то время, когда для проѣзда изъ Томска или Иркутска въ Москву, Петербургъ или другіе центральные города Европейской Россіи нужно было затрачивать чуть не цѣлые мѣсяца. Совершить такое путешествіе считалось чуть не подвигомъ. Сообщенія были настолько рѣдки, затруднительны и неорганизованны, что во многихъ отношеніяхъ Сибирь была положительно краемъ изолированнымъ отъ культурныхъ центровъ Россіи и Европы.

Отдаленность Сибири и полное незнакомство съ нею послужили основаніемъ для самыхъ фантастическихъ представленій, самыхъ баснословныхъ разсказовъ о ней. Бывалые люди изстари пользовались этой канвой и разводили на ней узоры, какіе только имъ хотѣлось. Такъ, еще въ древнихъ лѣтописяхъ мы находимъ невѣроятныя басни, о странѣ, лежащей за Югрою, т. е. о нынѣшней Сибири, которыя простодушные пимены, ничто же сумняся, заносили въ свои анналы. Новгородскіе лѣтописцы приводятъ, напримѣръ, такіе разсказы какихъ то „мужей старіихъ“, которые ходили „за Югру и Самоядь“ и сами видѣли тамъ, въ полунощныхъ странахъ, какъ „спаде туча, и въ той туче спаде вѣверица (бѣлка) млада, аки топереве только что рожена, и възростши, и расходится по земли, и паки бываетъ другая туча, и спадають

оленци мали въ ней и возрастають и расходятся по земли“. Тѣ же лѣтописцы передають такого рода „повѣсти“ самовидцевъ: „Югра людье есть языкъ нѣмъ, и сосѣдять съ Самоядью на полуночныхъ странахъ. Югра же рѣкоша отроку моему (т. е. Гюряти Роговича, отъ лица котораго ведется разсказъ): дивно мы находимъ чудо, его же нѣсмы слышали прежде сихъ лѣтъ, се же третье лѣто нача быти; суть горы заидуче за луку моря имже высота яко до небеси, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися, и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и есть неразумѣть языку ихъ, но кажутъ, на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза, и аще кто дастъ имъ ножъ ли, сѣкиру ли, дають скорою (шкурами) противу“. Подобныя фантази бывалыхъ людей о сѣверѣ продолжали ходить среди русскихъ книжныхъ людей и въ болѣе позднее время. Такъ, еще въ лѣтописяхъ XVI—XVII столѣтій мы встрѣчаемъ такія удивительныя вещи о самоѣдахъ.

„На странѣ восточной за Югорскою землю, надъ моремъ живутъ люди, Самоѣды... А ядь ихъ мясо оленіе да рыба, да межи собою другъ друга ядятъ. А гость къ нимъ откуда приидеть, и они дѣти свои закалають, на гостей, да тѣмъ кормятъ. А который гость у нихъ умретъ, и они того снѣдаютъ... Въ той же странѣ иная Самоѣды: лѣтѣ мѣсяць живутъ въ мори, а на сушѣ не живутъ того ради, занеже тѣло на нихъ трескается, и они тотъ мѣсяць въ водѣ лежатъ... Въ той же странѣ иная Самоѣды. Вверху рты на темени, а не говорятъ. А образъ въ пошлину (какъ обыкновенно) человѣчь... Въ той же странѣ есть иная Самоѣды. По зими умирають на два мѣсяца. Умирають же тако: какъ гдѣ котораго застанеть въ тѣ мѣсяцы, тотъ ту и сядеть. А у него изъ носу вода изойдетъ, какъ отъ потока, да примерзнетъ къ земли. И кто человѣкъ иная земли, не видѣніемъ потокъ той отразить у него, сопхнетъ съ мѣста, и онъ умретъ, то уже не оживетъ; а не сопхнетъ съ мѣста, то и оживетъ, и познаетъ, и речетъ ему: о чемъ мя еси, друже, поуродовалъ? А иные оживають, какъ солнце на лѣто вернется. Тако на всякій годъ умирають и оживають“.

Въ настоящее время, разумѣется, ничего подобнаго въ представленіи о Сибири мы не встрѣтимъ среди русскихъ людей, даже неискушенныхъ книжною премудростью, но, тѣмъ не менѣе, фактъ незнакомства съ Сибирью остается фактомъ. Общее представленіе о Сибири еще болѣе или менѣе отвѣчаетъ дѣйствительности, не смотря на всю свою смутность и неопредѣленность; но что касается детальныя понятій объ этомъ обширномъ краѣ, то, надо признаться, они часто бываютъ лишены всякой фактической почвы. И это наблюдается не только въ отношеніи болѣе или менѣе отдаленныхъ частей обширной Сибири въ родѣ Якутской области, Туруханскаго края, Камчатки, Приамурья и Уссурійскаго края, но и по отношенію къ почти сосѣднимъ съ Европейскою Россіею областямъ и губерніямъ. Возьмемъ Акмолинскую область, съ однимъ изъ уѣздныхъ городовъ, которой я намѣренъ познакомить читателей въ настоящемъ очеркѣ. Заговоривъ объ Акмолинской области, позволяю себѣ, для иллюстраціи „россійской“ беззаботности по части отечествовѣдѣнія, привести такой харак-

терный рассказ, граничащій почти съ анекдотичностью. Мой знакомый—Кокчатавскій уроженецъ — пріѣхалъ въ одинъ изъ центральныхъ городовъ Европейской Россіи затѣмъ, чтобы поступить въ высшее учебное заведеніе. При встрѣчѣ съ студентами этого заведенія прежде всего, разумѣется, ему задавали вопросъ: откуда онъ? На отвѣтъ — „изъ Акмолинской области“ — вопрошающіе дѣлали большіе глаза и снова переспрашивали — „а гдѣ эта Акмолинская область — въ Западной Россіи!“ На этотъ вопросъ моему знакомому, въ свою очередь, оставалось тоже дѣлать только большіе глаза. Или еще: въ редакціи „Акмолинскихъ Областныхъ Вѣдомостей“ въ г. Омскѣ, мнѣ случайно пришлось также наблюдать удивительную смутность представленій объ Акмолинской области и на этотъ разъ, увы, даже среди представителей нашихъ губернскихъ оффиціозовъ! Разбирая адреса разныхъ губернскихъ вѣдомостей, посылаемыхъ въ редакцію на обмѣнъ, мнѣ пришлось встрѣтить такого рода кунштюки:

Редакціи „Могилевскихъ“ и „Олонецкихъ“ Губернскихъ Вѣдомостей, какъ оказывается, твердо убѣждены, что Акмолинское областное правленіе находится въ городѣ Акмолахъ, а не въ Омскѣ, который, кстати, Смоленская редакція причислила къ Тобольской губерніи. Не лучше другихъ оказались редакціи „Лифляндскихъ“ и „Казанскихъ“ Губернскихъ Вѣдомостей, — первая Акмолинское областное правленіе продолжаетъ именовать по старинкѣ Областнымъ Правленіемъ Сибирскихъ киргизовъ, упраздненнымъ еще въ 1868 году, а вторая — даже Пограничнымъ правленіемъ Сибирскими киргизами, существовавшимъ съ 6 апрѣля 1838 г. до указа 19-го мая 1854 года. Итакъ съ одной стороны — студенты высшаго учебнаго заведенія, а съ другой — представители оффиціальной печати — чиновники. Впрочемъ, что жъ тутъ удивительнаго, когда даже въ учебникахъ географіи Лебедева Семипалатинскъ именуется резиденціей степного генераль-губернатора! Мораль такова: если уже составители учебниковъ отечественной географіи и представители оффиціальной печати такъ беззаботны по части отечествовѣдѣнія, то что требовать отъ обыкновенныхъ смертныхъ!

Но воротимся къ ближайшему предмету нашего очерка — городу Акмолинску или Акмоламъ, какъ называютъ его въ просторѣчьи, хотя это послѣднее названіе признается до нѣкоторой степени и оффиціальнымъ, напр. — въ почтовомъ вѣдомствѣ. Прежде всего немного филологіи. Слово Акмола — слово киргизское и въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: — „Бѣлыя могилы“ — *акъ* — бѣлый и *мола* — могила, могильная надстройка, какія дѣлаются киргизами надъ могилами. Такое названіе онъ получилъ отъ находящихся не вдалекѣ отъ мѣста постройки города могилъ какихъ то именитыхъ киргизъ, которыя имѣли бѣлый цвѣтъ. Среди же киргизъ Акмолинскъ слыветъ подъ именемъ „*Карауткулъ*“, что значитъ — „черный бродъ“, находящійся вблизи города чрезъ рѣку Ишимъ — „*Эсиль*“ по киргизски. Зовутъ также киргизы Акмолинскъ просто „*дуанъ*“, т. е. поселеніе, въ которомъ производится торговля, такъ какъ „*дуанъ*“ по киргизски значитъ лавка, магазинъ.

На вопросъ, куда поѣхалъ — *кайда барасынъ?* — встрѣтившійся киргизъ, обыкновенно, отвѣчаетъ — „*дуанъ-га*“ — въ городъ.

Происхожденіе города чисто стратегическое. Возникъ онъ, благодаря желаніямъ русскаго правительства имѣть опорный пунктъ, изъ котораго можно было бы держать въ повиновеніи тѣ киргизскія орды, которыя кочевали по берегамъ р. Ишима. Съ этой же цѣлью были заложены крѣпости Актавская — къ югу отъ Акмоловъ, по направленію къ голодной степи — *Бек-нал* —

дала, Атбасарская станица и Ултавское укрѣпленіе въ 1846 год. къ востоку, вблизи границы съ Тургайской областью. Какъ Актавъ, такъ и Ултавъ въ настоящее время представляютъ изъ себя только однѣ развалины бывшихъ здѣсь крѣпостей и казенныхъ зданій; —впрочемъ, въ Ултавъ существуетъ татарское поселеніе, которое производитъ торговлю или лучше—объегориваетъ степныхъ киргизъ. Русскихъ ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ, и даже сняты пикеты, которые были расположены по существовавшему когда то тракту отъ Акмолинска въ Актавъ и, чрезъ Атбасаръ.—въ Ултавъ. Точно также снятъ въ настоящее время прямой трактъ изъ Акмолинска въ Каркаралы Семипалатинской области.

Населеніе Акмолинска самое пестрое, самое разнообразное по національностямъ. Бывшій когда то подневольнымъ военнымъ поселеніемъ,—Акмолинскъ теперь сдѣлался пунктомъ, куда устремилась вольная колонизація. Просторъ и приволье киргизскихъ степей заманили сюда не однихъ казаковъ. Еще почти съ самаго начала возникновенія станичнаго, а потомъ городского поселенія, сюда направились Казанскіе и Уфимскіе татары и Тюменскіе бухарцы, эти наши застрѣльщики по части торговыхъ сношеній съ степными киргизами и Туркестаномъ. Пролегавшая чрезъ Акмолинскъ караванная дорога изъ Туркестана въ Петропавловскъ также не могла не отразиться на количествѣ населенія города. Ъздившіе съ караванами туркестанскіе сарты осѣдали по дорогѣ въ Петропавловскъ, Кокчетовъ, Атбасаръ; осѣли они и въ Акмолахъ. Здѣсь они занимаются, по преимуществу, торговлей и.. ростовщичествомъ. Въ городѣ есть спеціальныя, такъ называемыя, „сартовскіе ряды“, гдѣ вы можете найти всѣ товары азіатскаго и туркестанскаго происхожденія, начиная съ дабы и кончая „жандаками“,—такъ зовутъ въ Акмолинскѣ наши грецкіе орѣхи. Нельзя сказать, чтобы эта торговля была изъ бойкихъ, но въ сущности не она и составляетъ центръ тяжести практической дѣятельности сартовъ. Торгуютъ они въ большинствѣ случаевъ, что называется, для близиру;—главное же занятіе ихъ—ростовщичество. Сарты—это средне-азіатскіе евреи. Дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи въ Туркестанѣ давно извѣстна и достаточно обрисована, такова же она и въ Акмолинскѣ. Еще недавно здѣсь оперировалъ одинъ извѣстный всему Акмолинску мѣстный временный купецъ, который, по его собственному признанію, сорвавшемуся съ языка въ минуту особенной удовлетворенности своей дѣятельностью,—считалъ въ долгу за мѣстными киргизами до 200 тысячъ рублей. Этотъ паукъ такъ широко распустилъ свои тенета, что въ нихъ запуталось все болѣе или менѣе нуждающееся въ кредитѣ киргизское (да и русское) населеніе города и уѣзда. Кажется, дня не проходило, чтобы этотъ господинъ не терся въ камерѣ мирового судьи съ

векселями, то въ качествѣ истца, то въ качествѣ нотаріальнаго кліента (до 1895 г. исполненіе обязанностей нотаріуса было возложено на мирового судью).

Нужда въ деньгахъ у мѣстныхъ киргизъ, какъ переживающихъ еще фазисъ чисто натурального хозяйства, настолько велика, что они соглашаются на самыя тяжелыя условія кредита. Въ „Киргизской Степной Газетѣ“ какъ то писали, что проценты на ссуду у степныхъ ростовщиковъ достигаютъ ужасающей цифры—до 200 болѣе годовыхъ! Ростовщики такъ опутываютъ бѣдныхъ скотоводовъ, все богатство которыхъ заключается въ одномъ скотѣ при самомъ ничтожномъ обращеніи денежныхъ знаковъ, что, какъ передаетъ таже газета, бывали случаи, когда должники рассчитывались со своими кредиторами собственными своими дѣтьми.....

Результаты ростовщическихъ операцій на столько заманчивы, что ими не брезгаютъ заниматься не только сарты, но и сами киргизы, которые побогаче, и татары, и русскіе. Представителей тѣхъ и другихъ можно встрѣтить и въ Акмолинскѣ,

За послѣднее время контингентъ жителей города сталъ пополняться почти исключительно выходцами изъ Европейской Россіи. Акмолинскъ оказался по времени однимъ изъ первыхъ мѣстъ, захваченныхъ переселенческой волной. Здѣсь есть переселенцы, пришедшіе сюда еще въ началѣ 80 годовъ. Шли сюда, главнымъ образомъ, утѣсненные малоземельемъ Средней Россіи крестьяне — „хлѣборобы“, для которыхъ земля являлась фундаментомъ всего жизненнаго процесса. А этой земли здѣсь—въ изобиліи и земли очень хорошаго качества. И, вотъ, двинулись сюда крестьяне Самарской, Пермской, Каменецкъ-Подольской, Курской губерній, черемисы, мордва и даже зыряне, всѣ влекомые одной цѣлью убѣжать отъ земельного утѣсненія на родинѣ и найти привольныя земли здѣсь среди „Азіи“ и въ „кыргызцахъ“. И тѣ, кто въ силахъ былъ сразу же приняться за землю, поднять новину, обработать ее,—дѣйствительно, нашли это приволье. У киргизъ, владѣльцевъ обширныхъ пространствъ дѣвственной тучной степи, можно было арендовать земли сколько угодно, на глазъ, и за баснословно дешевую цѣну. Паши, сѣй и собирай въ житницы, если есть къ тому возможность. У кого была эта возможность, кто успѣлъ воспользоваться обстоятельствами, тѣхъ хлѣбъ сдѣлалъ людьми, выстроилъ имъ каменные палаты вмѣсто деревянныхъ переселенческихъ лачугъ и сдѣлалъ съ ними то, что они, по мѣстному выраженію, «стали въ тысячахъ ходить».

Хлѣбопашествомъ здѣсь занимаются не одни мѣщане, крестьяне и казаки, но и чиновники и купцы и занимаются въ крупныхъ размѣрахъ съ примѣненіемъ культурныхъ приѣмовъ обработки земли. Болѣе состоятельные «хозяева» засѣваютъ участки

въ сотни десятинъ подъ-рядъ, безъ всякой черезполосицы, такъ что съ одного конца участка часто бываетъ не видно другого. Тащится пара воловъ съ плугомъ на одномъ концѣ и не видитъ, какъ другая дотащила уже до другого. Тучная, дѣвственная почва даетъ баснословные урожаи—200, 250 и болѣе пудовъ пшеницы съ десятины. И какая пшеница, чистая, свѣтлая, какъ воскъ, 140—150 на пудку! А какой вкусный, бѣлый хлѣбъ выпекается изъ этой пшеницы! Прелесть!

Водяныхъ мельницъ нѣтъ въ Акмолинскѣ. Все зерно перемалывается на вѣтряныхъ мельницахъ, которыя составляютъ крупную статью дохода своимъ владѣльцамъ. Этихъ мельницъ, кажется, до сотни въ Акмолинскѣ. И какъ ни странно видѣть городъ, окруженный со всѣхъ сторонъ кольцомъ изъ машущихъ крыльевъ, но такова уже привиллегія степного городка, которую не намъ отмѣнять....

А Акмолы, дѣйствительно, типичный степной городокъ! Расположенный среди открытой степи, онъ совсѣмъ не имѣетъ древесной растительности, если исключить небольшой только еще разводящійся садикъ на площади и ивовой заросли по берегу Ишима, въ которой жители города укрываются отъ лѣтней жары и пыли городскихъ улицъ. Въ этой же заросли, на островкѣ, лѣтомъ 1893 г. мѣстная городская интеллигенція устроила даже нѣчто вродѣ вокзала, который, однако, просуществовалъ не долго.—Въ 1895 году зимой отъ неизвѣстной причины, „волею Божіею“ онъ сгорѣлъ, оставивъ по себѣ акмолинцамъ одно лишь пріятное воспоминаніе. Степь отъ Акмолинска простирается къ югу на безконечное число верстъ, а къ сѣверу приблизительно на 70 верстъ, гдѣ находится ближайшій отъ города лѣсъ, если не считать небольшіе осиновые и березовые колки—„чубары“ (киргизское слово—значитъ „пестрый“), отстоящіе отъ города въ 25 верстахъ. Въ эти чубары акмолинцы ѣздятъ лѣтомъ прогуляться и для того, чтобы „на свѣжемъ воздухѣ попить чайку“. Хороша прогулка—за 25 верстъ!

За послѣднее время городъ, все таки, по немногу сталъ пріобрѣтать видъ настоящаго города. Въ немъ выстроили большой каменный соборъ, каменные зданія для городского управленія, полиціи и большіе каменные торговые ряды, новую мечеть; кромѣ того, выстроено много частныхъ каменныхъ магазиновъ, домовъ. Все это въ общемъ придаетъ до извѣстной степени Акмолинску нѣкоторый видъ города. Но что важнѣе всего, такъ это то, что строителемъ торговыхъ рядовъ, да, кажется, и другихъ городскихъ зданій, былъ мѣстный, такъ сказать, доморощенный архитекторъ, нѣкто г. К. Этотъ г. К. положительно выдающійся гражданинъ,—выдающійся по своей префессіональной энциклопедичности: кромѣ того, что онъ, какъ мы видѣли, архитекторъ,

онъ еще коммерсантъ, фотографъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ, ювелиръ, актеръ-любитель и проч., и проч., и проч. Да и деревянные дома стали строиться больше, лучше, и, пожалуй, даже иногда архитектурнѣе, замѣняя собою прежнія форменныя казачьи избы. Значительнымъ дефектомъ по части внѣшняго благообразія города служитъ неудачное мѣстонахожденіе острога среди самой лучшей, большой площади, въ самомъ центрѣ города. Огороженный сплошнымъ частоколомъ изъ заостренныхъ вверху бревенъ („палей“), острогъ своимъ мрачнымъ видомъ расхолаживаетъ всякое благопріятное въ пользу города впечатлѣніе, вынесенное туристомъ при его бѣгломъ осмотрѣ. Деревянный, тѣсный острогъ рассчитанъ при постройкѣ только на четвертую часть тѣхъ кліентовъ, которыхъ онъ вынужденъ вмѣщать въ себѣ въ настоящее время...

Больное мѣсто города составляетъ также, такъ называемая, „Мѣщанская слободка“. Эта слободка пріюти и убѣжище не только бѣдноты самаго города, но и всего уѣзда: здѣсь живетъ бѣднѣйшая часть городскаго населенія и здѣсь же находятъ себѣ пристанище крестьяне изъ поселковъ уѣзда, гонимые въ городъ нуждой и желаніемъ найти какой нибудь заработокъ. Но такъ какъ въ городѣ и своей бѣдноты вполне достаточно для того, чтобы удовлетворить всѣ запросы на рабочія руки, то по большей части крестьяне никакого заработка себѣ не находятъ и принуждены бывать братья за нищенскую „суму переметную“, съ трудомъ подавляя съ себѣ возникающія при этомъ разнообразныя и горькія чувствованія. Большинство обывателей слободки живетъ въ самыхъ невозможныхъ гигиеническихъ условіяхъ, не говоря уже о другомъ прочемъ. Часто въ одной избѣ, пригодной для помѣщенія одной небольшой семьи, живетъ двѣ, три и даже четыре семьи. По крайней мѣрѣ, мнѣ пришлось видѣть однажды, какъ въ одной такой лачугѣ помѣщалось четыре семьи—въ количествѣ 16 человѣкъ... Разумѣется, нечего говорить о гигиеническихъ условіяхъ такого житья-бытья, гдѣ въ одной комнатѣ стряпаютъ, моютъ бѣлье, даже живутъ телята и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тою-же атмосферой дышатъ 16 человѣкъ! И такихъ лачугъ въ слободкѣ не одна, не двѣ, а нѣсколько, и никто изъ акмолинцевъ не обращаетъ на нихъ вниманія. Поэтому мнѣ кажутся отчасти справедливыми заявленія нѣкоторыхъ акмолинскихъ старожиловъ, что до тѣхъ поръ, пока не было этой слободки, акмолинцы не знали никакихъ эпидемическихъ заболѣваній,—нынѣ же имъ пришлось познакомиться и съ тифомъ, и дифтеритомъ, и инфлуэнціей, и др.

Въ городахъ, гдѣ общественное самосознаніе находится на высшей степени развитія, тамъ обыватели сами приходятъ на помощь нуждающейся части населенія, общественная благотворительность тамъ функционируетъ въ очень широкихъ размѣрахъ. Устраиваютъ разнаго рода комитеты для вспомошествованія нуждающимся, лоттерей-аллегри, маскарады и спектакли со сборами въ пользу благотворительныхъ учреждений; учреждаются, наконецъ, дамскія общества попеченія о бѣдныхъ и пр. Ничего этого нѣтъ въ Акмолахъ!

За исключеніемъ двухъ отмѣченныхъ дефектовъ благоустройства, городъ съ своими большими площадями, широкими улицами, довольно большими и приличными магазинами,—въ общемъ производитъ впечатлѣніе довольно оживленнаго, особенно осенью и зимою. Въ самой значительной мѣрѣ содѣйствуютъ этому оживленію города киргизы, съѣзжающіеся сюда изъ ауловъ для продажи продуктовъ своего натурального скотоводческаго хозяйства и для закупки разнаго рода товаровъ, необходимыхъ

въ ихъ немудреномъ домашнемъ обиходѣ. Эта то постоянная скученность киргизъ въ городѣ и придаетъ ему оригинальную окраску степного азіатскаго городка.

Хотя преобладающей народностью собственно городского населенія нужно, несомнѣнно, назвать русскихъ (казаки, мѣщане, купцы и пр.), потому что другія народности входятъ въ общее число населенія сравнительно въ незначительномъ количествѣ, нѣкоторыя — даже въ количествѣ всего нѣсколькихъ семей, однако городъ иначе нельзя назвать, какъ киргизскимъ. Выйдите вы въ какое угодно время дня на улицы или на торговыя площади города, и вы будете встрѣчать однихъ только киргизъ и слышать одинъ только киргизскій разговоръ; зайдите въ лавку или магазинъ, и тамъ вы увидите тѣхъ-же киргизъ и услышите ту-же киргизскую рѣчь; пойдите въ какое-либо присутственное мѣсто или общественное учрежденіе, и тамъ вы встрѣтите тѣхъ-же киргизъ; — наконецъ, просто, сидя у себя дома и смотря чрезъ окно на улицу, считайте всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ мимо — и, я увѣренъ, что изъ 100 человекъ, насчитанныхъ вами, всегда будетъ 90 киргизъ. Съ утра до вечера предъ вашими окнами будутъ мелькать характерныя киргизскія шапки, имѣющія видъ усѣченнаго конуса и покрытыя матеріей яркаго цвѣта съ самыми пестрыми узорами; съ утра до поздняго вечера, въ лѣтнее и осеннее время, вы слышите пронзительный и рѣжущій скрипъ арбъ, запряженныхъ или лошадьми, или верблюдами, или быками. Кстати сказать — сами киргизы не только не считаютъ этотъ скрипъ неприятнымъ для слуха, а напротивъ — гордятся особенно сильно и пронзительно скрипящей арбой, говоря, что тихо и неслышно приличнѣе ѣздить только ворами, какъ желающимъ быть незамѣтными, а благородные и честные люди не должны бояться или избѣгать этого скрипа, такъ какъ онъ служитъ показателемъ ихъ нравственной добропорядочности.

Вотъ на плохонькой лошаденкѣ, въ пестромъ ситцевомъ халатѣ и такомъ же малахаѣ, подбитомъ простой овчиной, „трусить“ сынъ степи, слегка помахивая нагайкой и управляя поводьями. Все на немъ ветхо, старо, грязно, неряшливо. Это — байгушъ, бѣднякъ. А вотъ другой сынъ степи, но уже нѣсколько въ иномъ характерѣ. Малахай его сшитъ изъ малиноваго бархата и поцбитъ лисицей, халатъ также покрытъ бархатомъ и опоясанъ ремненнымъ поясомъ съ серебрянными пряжками и другими украшеніями. Серебрянныя бляхи украшаютъ также и сбрую на лошади. Онъ, толстый, грузный, — „семисъ“ по киргизски — важно, съ сознаниемъ собственнаго достоинства дефилируетъ на своемъ дорогомъ иноходцѣ предъ глазбующей на него базарной толпой. Это — „бай“, „бай-ксы“, богачъ, и, по всей вѣроятности, волостной управитель. Спросите у него, сколько

лошадей имѣеть онъ въ своихъ табунахъ, сколько головъ рогатаго скота, сколько барановъ, верблюдовъ, козъ,—онъ, я увѣренъ, не скажетъ вамъ этого, не скажетъ по очень простой причинѣ: онъ самъ не знаетъ сколько. Въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ сообщить вамъ, что у него столько то табуновъ лошадей, столько то табуновъ барановъ и, пожалуй, ничего болѣе. Такой „байксы“, навѣрное имѣеть въ своемъ аулѣ 2—3 чистыхъ, бѣлыхъ войлочныхъ юрты въ отдѣльности для каждой изъ своихъ женъ и держать у себя цѣлый штатъ работниковъ и пастуховъ. Очень часто изъ такихъ баевъ вырабатываются кулаки, ни въ чемъ неуступающіе нашимъ Чумазымъ, Колупаевымъ и Разуваевымъ, и всѣ одноаульцы такого Чумазаго „бая“ нерѣдко находятся у него въ полной экономической зависимости.

Одиноко, сиротливо расположенный въ самомъ центрѣ азіатскаго населенія, Акмолинскъ не могъ не подпасть нѣкоторому вліянію со стороны окружающаго его киргизскаго населенія. Еще не такъ давно было, что самыя ближайшія русскія поселенія, т. е. станица Атбасарская къ западу и станица Щученская къ сѣверу,—находились отъ него на разстояніи 250 верстъ. Только за послѣднее время, благодаря надвинувшемуся на степной край переселенческому движенію, стали появляться во многихъ мѣстахъ уѣзда переселенческіе поселки и Акмолинскъ уже пересталъ быть единственнымъ русскимъ оазисомъ во всемъ своемъ уѣздѣ. Поставленные въ такія невыгодныя условія первые насельники города казаки, разумѣется, должны были по необходимости имѣть разнаго рода житейскія практическія сношенія только съ однимъ киргизскимъ населеніемъ и даже зависеть отъ него въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Естественно, что казаки должны были близко ознакомиться съ нравами, обычаями и языкомъ киргизъ и, дѣйствительно, казаки почти всѣ прекрасно владѣютъ киргизскимъ языкомъ, превосходно знаютъ бытъ, нравы и даже психологію киргиза. Киргизскому языку казаки начинаютъ обучаться еще съ младенчества: малецъ казачекъ также свободно „лопочеть“ по киргизски, какъ на родномъ языкѣ. Часто случается, что онъ даже смѣшиваетъ родной языкъ съ киргизскимъ и употребляетъ послѣдній тамъ, гдѣ болѣе всего мѣсто первому. Мнѣ передавали такой характерный фактъ. Въ церковь принесли одного юнаго казаченка, который еще только что начиналъ говорить. Когда его поднесли къ священнику, то необычайный для него видъ послѣдняго до того поразилъ нашего причастника, что онъ закричалъ и вырвавшимся у него восклицаніемъ испуга было киргизское „ой-пор-мой“! Этотъ фактъ вполне вѣроятенъ, такъ какъ выраженіе „ой-пор-мой“ самое употребительное среди казаковъ для выраженія удивленія, пораженности. Вообще, въ русскую рѣчь казака вошло очень много

киргизскихъ реченій, —, киргицизмовъ“, такъ сказать. Таковы выраженія: —, агачиной отаячить“ — палкой, стяжкомъ ударить (агачъ — дерево, таякъ — палка), „жанжалъ“ (скандалъ) вышелъ, на „кызыкъ“ подняли — на смѣхъ подняли, просмѣяли, „жамалу“ навели — напраслину, неправду наговорили, „кошъ“ — прощай, „амаңъ?“ — здоровъ ли, здравствуй и т. п. Возрасты домашней скотины опредѣляются также по киргизски, напр., „тайча“ — теленокъ 2 лѣтъ, „куканъ“ — 3 лѣтъ и т. д. Казакъ въ своемъ разговорѣ съ казакомъ же постоянно пересыпаетъ русскую рѣчь киргизскими словами и выраженіями, а иногда бываетъ и такъ: говорятъ — говорятъ по русски — и вдругъ забормочатъ по киргизски. Киргизскія пословицы, загадки, сказки и даже пѣсни съ ихъ мотивами въ большомъ ходу у казаковъ, точно также какъ нагайка и халатъ; причемъ казакъ и носитъ и дорожить этимъ халатомъ такъ же, какъ самый истый киргизъ.

Вообще, киргизы оказали значительную долю своего вліянія на казаковъ, — во всякомъ случаѣ, несравненно большую, чѣмъ казакъ на киргиза. Лѣтъ пять еще тому назадъ въ акмолинской тюрьмѣ содержался молодой русскій казакъ, совершенно окиргизившійся. Онъ плохо говорилъ по русски, совершенно не былъ знакомъ съ догматами православія, напротивъ — былъ истымъ магометаниномъ, носилъ киргизское имя и, не смотря на увѣщанія мѣстнаго священника, никакъ не хотѣлъ признать себя христіаниномъ. Крещенный и оставшійся въ дѣтствѣ круглымъ сиротою, этотъ казакъ какимъ то случаемъ попалъ къ киргизамъ и здѣсь воспитался въ полной киргизской обстановкѣ и затѣмъ, уже въ зрѣломъ возрастѣ, былъ изолированъ отъ киргизъ... въ тюрьму! Рассказываютъ также, что ранѣе неоднократно бывали случаи полного сожителства казачекъ съ киргизами, причемъ дѣти этихъ казачекъ, разумѣется, — дѣлались истыми киргизятами. Между прочимъ, среди акмолинцевъ существуетъ довольно любопытное по своей романичности преданіе, объ одной несчастной казачкѣ, увлекшейся туркестанскимъ богачемъ сартомъ и увезенной имъ съ караваномъ въ товарномъ тюкѣ. Это преданіе подтверждается старожилами, среди которыхъ находятся лица, бывшія современниками этого романическаго событія. Говорятъ, что сарту очень дорого обошелся этотъ романъ: онъ стоилъ ему почти половину состоянія и въ концѣ концовъ повлекъ за собою разореніе.

Много, много хранитъ акмолинская старина любопытныхъ преданій и давно ждетъ своего изслѣдователя. Пока еще не поздно, пока еще живы старики, которымъ памятно прошлое, изслѣдователь найдетъ здѣсь много интереснаго, — много матеріала, освѣщающаго наши отношенія къ киргизамъ въ эпоху ихъ покоренія.

Киргизы акмолинскаго уѣзда считаются самыми зажиточными изъ всѣхъ другихъ киргизъ области. Поэтому торговля операціи въ городѣ почти не оставляютъ желать лучшаго. Магазины и простыя лавки торгуютъ бойко. Впрочемъ, и самъ Акмолинскъ даетъ покупателя. Такъ называемая „интеллигенція“ представлена здѣсь очень солидно для степнаго уѣзднаго города и нельзя сказать, чтобы ея потребности не находили удовлетворенія на мѣстѣ. Предметы не только первой необходимости, но даже и роскоши мѣстный покупатель всегда можетъ найти на своемъ рынкѣ. Но главный покупатель и потребитель, всетаки, киргизъ. Съ нимъ изстари ведутся главныя торговля операціи по куплѣ-продажѣ. У него скупаютъ продукты скотоводства для отправки ихъ на внутренніе рынки, и для него же привозятъ съ этихъ рынковъ предметы товарнаго производства. Потребности киргиза быстро растутъ и онъ далеко уже не можетъ удовлетворить ихъ при помощи одного своего хозяйства. Онъ сталъ уже выходить изъ стадіи натурального хозяйства и городъ сдѣлался для него необходимымъ. И, дѣйствительно, торговля въ городѣ держится почти исключительно киргизами. Не будь покупателей—киргизъ, акмолинскіе купцы получили бы самую незначительную часть тѣхъ барышей, какіе они выручаютъ въ настоящее время.

Кромѣ того, что киргизы являются обыкновенными покупателями непосредственно въ городскихъ лавкахъ и магазинахъ, наши купцы сбываютъ имъ свои товары еще посредствомъ такого способа.

Киргизы—жители дальнихъ ауловъ, отстоящихъ отъ города нѣсколько сотъ верстъ, разумѣется, въ городъ не ѣздятъ, но ихъ жизненныя потребности ничѣмъ не уступаютъ по своей интенсивности потребностямъ киргизъ ближнихъ волостей. Удовлетворителями этихъ потребностей являются, такъ называемые, „алыпсатары“ (аламъ—покупаю и сатамъ -- продаю) или „саудагуры“, т. е. перекупщики, прасола, изъ тѣхъ-же киргизъ. Явившись въ городъ и набравъ товара у мѣстныхъ купцовъ, часто на нѣсколько сотъ рублей, они отправляются съ нимъ по ауламъ и здѣсь производятъ мѣну на барановъ, шерсть, кожу и т. п. сырые продукты. Расплачиваются саудагуры съ купцами иногда чистыми деньгами, а чаще—скстомъ и, вообще, тѣми сырыми продуктами, которые они наторговали во время своихъ странствій по ауламъ. Часто бываютъ сдѣлки такого рода, что за привезенное сырье купцы платятъ частью товаромъ, а частью и деньгами. Ходятъ слухи, что ранѣе такого рода операціи велись неособенно часто. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по этимъ слухамъ, нѣкоторые изъ купцовъ, пользуясь простотой и невѣжествомъ киргизовъ, платили имъ фальшивыми деньгами, но нынѣ о такихъ операціяхъ не слышно.

Особенно любили расплачиваться съ киргизами фальшивыми кредитками скупщики скота, приѣзжавшіе для этой цѣли въ степь даже изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, какъ, напр., изъ Пермской и Тобольской губ. Обычай этотъ такъ укоренился среди скупщиковъ, что въ Тобольской губ. существовали даже цѣлыя фабрики фальшивыхъ кредитокъ, напр. — въ Курганскомъ и Ялуторовскомъ уѣздахъ. Еще недавно всѣ мы были свидѣтелями одного громкаго процесса нѣкоего К., обвинявшагося въ устройствѣ такой фабрики къ Ялуторовскомъ уѣздѣ. Но, вѣдь, эта фабрика сдѣлалась намъ извѣстной только потому, что ее удалось открыть, а сколько осталось ихъ не открытыми! Кто бывалъ хотя въ томъ же Ялуторовскомъ уѣздѣ,

тотъ не могъ не слышать тѣхъ разсказовъ, какіе ходять въ народѣ относительно многихъ скороспѣлыхъ богачей. Бывало по этимъ разсказамъ, обыкновенно, такъ: работаютъ—работаютъ искусники—бродяжки такому богачу фальшивыя кредитки въ какойнибудь глухой заимкѣ, а потомъ вдругъ, когда, по мнѣнію богача, уже достаточно „напечено блиновъ“, исчезаютъ съ лица земли вмѣстѣ съ своей заимкой и станками отъ... неосторожности съ огнемъ.

Но и помимо этого слишкомъ, всетаки, рискованнаго способа можно было наживать отъ торговли съ киргизами хорошіе капиталы. Всѣ продукты, необходимые для киргизъ, обыкновенно продавались имъ не на деньги, а промѣнивались на сырьевой товаръ и скотъ, по преимуществу—на барановъ. Киргизъ не зналъ рыночной цѣны этихъ продуктовъ и можно было при промѣнѣ ихъ назначать имъ какую угодно цѣну. И наши торгоши, какъ свидѣтельствуя преданія, въ этомъ отношеніи далеко не стѣснялись: они брали по 200—300% на промѣниваемый товаръ и, разумѣется, наживали состоянія. Единицей цѣнности, обыкновенно, служилъ баранъ. Даетъ, напр., торговецъ киргизу товаръ съ условіемъ представить ему къ ярмаркѣ столько то барановъ по цѣнѣ, существовавшей во время этой мѣны. Киргизъ, какъ исправный плательщикъ и притомъ вновь нуждающійся въ товарѣ, пригоняетъ ему барановъ. Казалось бы, все въ порядкѣ вещей и пріемъ мѣновой торговли совершенно естествененъ; но если вдуматься попристальнѣе къ этому способу, то выйдетъ вотъ какой „съ Божіей помощью“ оборотъ. Баранъ, когда на него промѣнивался товаръ, стоилъ всего, положимъ, 2 руб.,—а къ ярмаркѣ на него цѣна повысилась: онъ уже стоитъ 3-4 руб. Кромѣ того, киргизъ задаромъ прокормилъ и окарауливалъ этого барана купцу, освободивъ послѣдняго отъ этихъ обязанностей и сопряженныхъ съ ними расходовъ. А то бывало (и теперь бываетъ) такъ, что товаръ промѣнивается киргизу еще за ягненка, котораго онъ долженъ представить черезъ годъ-два, когда онъ выростетъ уже въ настоящаго барана, а вмѣстѣ съ тѣмъ выростетъ и его стоимость. Такими способами, да еще при помощи близкаго знакомства съ нравами, обычаями, психологіей и слабыми сторонами киргизъ, разумѣется, можно было легко наживать состоянія. Къ чести русскаго населенія города надо сказать, что такого рода торговыми операціями съ киргизами занимаются и занимались, преимущественно, татары, хотя за послѣднее время и русскіе мѣщане и казаки—стали находить въ нихъ себѣ средства къ обогащенію.

Главнымъ занятіемъ городского населенія—казаковъ и мѣщанъ—служить земледѣліе и скотоводство. Изъ промысловъ здѣсь особенно развиты—извозничество, рыболовство и охотничій. Каждую осень и зиму изъ Акмолинска идутъ цѣлыя обозы на Курганъ, Петропавловскъ, Омскъ, станицу Звѣриноголовскую, Ирбитъ, Шадринскъ, Екатеринбургъ.

Везутъ изъ Акмолинска—хлѣбъ, продукты скотоводства, звѣроловства, рыбу, а привозятъ въ Акмолинскъ разнаго рода товары, находящіе сбытъ въ степи. Извознымъ промысломъ занимаются, по преимуществу, казаки. Ловля рыбы, какъ промыселъ, производится на Ишимѣ, но, главнымъ образомъ, на р. Курѣ, притокѣ Ишима. Рыба въ этой рѣкѣ очень хорошаго качества; куринская щука извѣстна далеко за предѣлами Акмолинска и она вполне заслуживаетъ этой извѣстности. Ловятъ рыбу зимой, замораживаютъ ее и въ такомъ видѣ «вывозятъ» изъ Акмолинска. Въ Акмолинскомъ уѣздѣ охотники—промышленники находятъ для себя большое разнообразіе звѣрей: волки, лисицы, барсуки, медвѣди, дикіе кабаны, сурки, сайги (сайгаки), каменные бараны, зайцы и пр. На дикихъ кабановъ ѣздятъ охотиться на степныя озера, поросшіе камышемъ, въ которомъ любитъ жить кабанъ, и главнымъ образомъ—на Кургальжинѣ, а другого звѣря бьютъ въ покрытой лѣсомъ гористой части уѣзда. Звѣроловствомъ и рыболовствомъ занимаются какъ казаки, такъ и мѣщане, то въ одиночку, то артелями. Набитыхъ звѣрей и наловленную рыбу скупаютъ у нихъ мѣстные торговцы и увозятъ на рынки далеко за предѣлы Акмолинской области.

Изъ другихъ промысловъ нужно еще отмѣтить лѣсной. Близъ Акмолинска лѣса нѣтъ, возить его приходится верстъ за 70-90, и потому тамъ дрова и строительные лѣсные матеріалы всегда бываютъ въ цѣнѣ. Бѣдные жители города, будучи не въ состояніи пользоваться древеснымъ топливомъ, отапливаютъ свои квартиры то камышемъ—«когой», то особымъ способомъ приготовленнымъ навозомъ, носящимъ названіе *кизяка*. Приготовленный для топки кизякъ имѣетъ форму большаго кирпича и, сгорая, даетъ очень значительный жаръ и не совсѣмъ благовоный запахъ. Но, не смотря на эти суррогаты топлива, дрова въ Акмолинскѣ очень дороги и подвозъ ихъ на рынокъ въ значительной степени зависитъ отъ киргизъ. Въ тѣ дни, когда почему либо киргизы не привезутъ дровъ, городскіе дровяники поднимаютъ на нихъ цѣну и дрова становятся „недоступными“, какъ говорятъ здѣсь. А то дровяники продѣлываютъ еще лучше: они монополизируютъ у лѣснаго вѣдомства право на рубку и заготовку дровъ и, пользуясь этимъ, дерутъ съ обывателя по двѣ шкуры. А между тѣмъ—дрова составляютъ одну изъ насущнѣйшихъ потребностей обывателя. Зимы въ Акмолинскѣ отличаются морозами, квартиры холодны и требуютъ усиленной топки.

Помимо холодовъ, зима въ Акмолинскѣ, какъ и вездѣ въ степи, отличается страшными вьюгами, или буранами, какъ здѣсь принято говорить. Эти бураны, образуя въ одну ночь цѣлыя горы снѣгу тамъ, гдѣ раньше была ровная поверхность и дорога, и засыпая оплошавшихъ путниковъ, скотъ, своевременно неза-

гнанный въ изгороди, и цѣлыя зимовьи киргизъ, эти ужасныя бураны, отличающіеся чисто стихійной силой, царятъ цѣлые дни, недѣли надъ степью и городомъ. Боже васъ сохрани, если вы въ пути, отойти или отъѣхать на нѣсколько сотъ сажень отъ вашего пристанища! Власть бурановъ безгранична надъ открытою степью и надъ всѣмъ, что въ ней случится за это время. Едва вы сдѣлаете нѣсколько шаговъ впередъ, вы непременно собьетесь съ дороги: буранъ застигаетъ поле вашего зрѣнія не только въ нѣсколькихъ саженьяхъ, а даже въ двухъ-трехъ шагахъ. Вы будете звать о помощи. Напрасно! Угасающій, погружающій васъ въ какое то полное отчаяніе шумъ и гулъ вѣтра заглушаетъ всѣ ваши призывы о помощи. Кричите и зовите вы во всю мочь вашихъ легкихъ,—напрасно. Будьте увѣрены, что никто васъ не услышитъ, хотя бы вы были всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ человѣческаго жилья.

Нерѣдки примѣры, что люди гибли во время бурана не только въ открытой степи, но даже среди большихъ селеній. Вышелъ обыватель изъ дому подъ вечерокъ, что бы пройти чрезъ нѣсколько домовъ къ сосѣду въ гости,—вышелъ и не стало его. Онъ сбился съ дороги, ушелъ не въ ту сторону и вмѣсто того, чтобы попасть къ сосѣду, попалъ въ открытую степь, а то просто заблудился на площади, да тутъ и занесло его снѣгомъ.

Въ одинъ изъ такихъ бурановъ, когда предъ вашими глазами совершенно все застигается кружащимися снѣжинками, когда вы безсильны за этою снѣжною пеленою рассмотреть что либо даже подъ ногами у себя,—мнѣ пришлось путешествовать отъ своей квартиры въ крѣпостную церковь, утромъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Путь сначала пролегалъ по улицѣ, а потомъ черезъ площадь. По улицѣ, оцупью, возлѣ дома и ограды, я еще прошелъ, но когда вышелъ на площадь, то совершенно растерялся. Когда на нѣсколько сотыхъ секунды буранъ переставалъ крутить снѣгъ, поле зрѣнія просвѣтлялось, я видѣлъ церковь и направлялъ къ ней свой курсъ, но когда вьюга снова со свистомъ и завываньемъ начинала слѣпить мнѣ глаза липкимъ сырымъ снѣгомъ, я опять сбивался съ дороги. Кончилось мое путешествіе, все таки, тѣмъ, что къ церкви я подошелъ, но за то, прежде чѣмъ добраться до нея, я исколесилъ почти всю площадь. Помните, что это было днемъ, часовъ въ 9 утра,—а что стало бы съ тѣмъ путникомъ, который отважился бы совершить такое путешествіе ночью?!

Такіе бураны, гуляя безъ всякаго удержа по открытой ровной степи, совершенно оголяютъ ее отъ снѣга и, напротивъ, наносятъ его цѣлыя горы тамъ, гдѣ есть хотя самое незначительное препятствіе, задержка. Зимняя дорога по степи пролегаетъ обыкновенно далеко въ сторонѣ отъ лѣтняго тракта, по киргиз-

скимъ кыставамъ (зимовкамъ) и, вообще, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ снѣгъ лежитъ толстымъ слоемъ, такъ какъ лѣтняя дорога бываетъ совершенно лишена снѣга.

Когда начинается задувать буря, почти у всѣхъ домовъ въ городѣ широко настежь отворяютъ оградныя ворота для того, что бы снѣгъ проносило вѣтромъ изъ ограды на улицу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда почему либо забывали прибѣгать къ этой предосторожности, ограда и ворота, по прекращеніи бурана, оказывались совершенно занесенными снѣгомъ и на долю дворниковъ приходился нелегкій трудъ убирать этотъ снѣгъ.

Лѣтомъ сильныя вѣтры также засыпаютъ акмолинскаго обывателя, но, разумѣется, уже не снѣгомъ, а пылью и пескомъ. Дѣйствительно, вѣтры бываютъ настолько сильны, что даже крутятъ въ воздухѣ крупный песокъ и бьютъ имъ въ лицо обывателя. Особенно жалуются дамы. Отъ лѣтнихъ буряновъ имъ достается больнѣе всего.

Перехожу къ общественной жизни Акмолинска.

Несмотря на то, что Акмолы, какъ культурное русское поселеніе, существуетъ уже довольно продолжительное время, общественная жизнь въ немъ еще не успѣла отлиться въ какія-либо опредѣленныя формы. Общественныя инстинкты обывателя развиты очень слабо,—обыватель еще до послѣдняго времени переживаетъ, такъ сказать, періодъ первоначальнаго накопленія, когда обыкновенно индивидуалистическіе инстинкты подавляютъ альтруистическіе. Акмолинскіе лѣтописцы горько жалуются на эту, слабо развитую общественность своего обывателя. Еще совсѣмъ недавно, въ „Сиб. Вѣстникѣ“ (№ 37—99 г.) акмолинскій корреспондентъ жалуется на то, что у нихъ, пародируя биржевой жаргонъ, „тихо съ дѣятельностью“ вновь организованнаго общества попеченія о начальномъ образованіи. Это „тихо съ дѣятельностью“ корреспондентъ совершенно справедливо объясняетъ слабо развитымъ общественнымъ самосознаніемъ общества и, какъ образецъ такого слабо развитаго самосознанія, приводитъ слова одного лица при выборѣ его предсѣдателемъ этого новоорганизованнаго общества: „быть предсѣдателемъ-то я согласенъ остаться на такой должности, но впередъ говорю, что ничего дѣлать по обществу не буду, кромѣ подписки бумагъ исходящихъ; годъ проведу, а тамъ выберете другого“. При такомъ понятіи объ общественныхъ обязанностяхъ, разумѣется, далеко впередъ не подвинешься.

Недавно въ городѣ учреждена общественная бібліотека, но, кажется, состояніе ея не изъ блестящихъ. Но если что процвѣтаетъ, такъ это клубъ. Впрочемъ, клубы процвѣтаютъ вездѣ, гдѣ они есть, и Акмолинскъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Наконецъ, для процвѣтанія этого учрежденія едва ли

такъ необходимо общественное самосознаніе,—скорѣе всего тутъ нужна потребность „убить время“, а эта потребность у акмолинскаго обывателя развита въ достаточной мѣрѣ. Но акмолинскій обыватель сумѣлъ и клубу придать оригинальную окраску. Такъ, напр., киргизы еще не такъ давно не считались правоспособными принимать участіе въ клубныхъ увеселеніяхъ и, если нелегкая заносила ихъ въ клубъ, торжественно выпроваживались отсюда, напутствуемые начальническимъ гнѣвомъ. Эта своеобразная черта акмолинскихъ клубныхъ порядковъ была своевременно отмѣчена мѣстной и столичною печатью достойнымъ образомъ. Впрочемъ, было время, когда и акмолинскій обыватель проявилъ въ достаточной мѣрѣ чувства общественнаго самосознанія,—это именно въ 1892 году—въ годину общероссійскаго бѣдствія, которое осталось памятнымъ и для Акмолинска. Мѣстный комитетъ для оказанія помощи голодающимъ заявилъ себя въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ только что упомянутый предсѣдатель общества попеченія о начальномъ образованіи. Благодаря усердной, быстрой и плодотворной дѣятельности комитета, много бѣдныхъ и нуждающихся жителей города и „самоходовъ“ избавились отъ переживанія острыхъ проявленій голода и, кто знаетъ, быть можетъ, отъ голодной смерти. Особенно много поработали за это время г.г. К. Е. Тартышевъ, П. Г. Ярушинъ и В. М. Кутанинъ.

Какъ же проводитъ акмолинскій обыватель дни въ обыкновенное время? Очень незавидно. Времяпрепровожденіе его отличается въ невыгодную сторону даже отъ времяпрепровожденія обывателей другихъ глухихъ сибирскихъ городовъ. Настолько оно сѣро, буднично и монотонно! Вотъ вамъ будничный день акмолинца; праздникъ, разумѣется, немного отличается, но только немного.

Съ утра, обыкновенно, такъ называемыя „интеллигентныя“ лица города каждый занимается своимъ дѣломъ: кто сидитъ и строчитъ донесенія и отношенія въ канцеляріи, кто торгуетъ, кто учитъ, а кто просто ничего не дѣлаетъ. Послѣ этихъ пріятныхъ или полезныхъ занятій акмолинецъ приступаетъ къ обѣду, а потомъ къ послѣобѣденному сну, кто имѣетъ это благодѣтельное для Акмолинска обыкновеніе, а тутъ уже и вечеръ... Вечеркомъ иногда, одѣвши свой бухарскій росписной халатъ, обыватель садится за книгу, впрочемъ это бываетъ рѣдко,—чаще всего онъ идетъ въ гости или клубъ—перекинуться въ преферансикъ или „вистишко“. Книжкой, которую читаетъ мѣстный обыватель, бываетъ, обыкновенно, „приложенія“ или къ „Родинѣ“ или къ „Свѣту“. Иногда, но очень, очень рѣдко, даются членами мѣстнаго драматическаго кружка любительскіе спектакли и публика, разумѣется, посѣщаетъ ихъ очень охотно. И больше никакихъ полезныхъ, здоровыхъ удовольствій и развлеченій на сѣромъ фонѣ акмолинской жизни не вырисовывается. Вотъ вамъ и все!

Вообще, если сравнить Акмолинскъ съ другими, не только російскими, но даже и сибирскими городами, то получится значительная разность. Можно предполагать и даже съ нѣкоторою основательностью, что разность эта есть результатъ постоянныхъ взаимно-отношеній акмолинцевъ съ киргизами, народомъ, находящимся на степени варварской культуры. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя частности культурной жизни акмолинцевъ потерпѣли пониженіе и пошли по наклонной плоскости. Такое пониженіе особенно замѣтно сказывается въ отношеніи свободы женщины, на которую (свободу), какъ можно полагать, оказалъ очень значительное вліяніе мусульманскій обычай женскаго затворничества. Въ Акмолахъ свобода женщины, а особенно молодой дѣвушки, сильно стѣснена азіатскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Во всѣхъ другихъ городахъ считается самымъ обыкновеннымъ и, во всякомъ случаѣ, ни чуть не предосудительнымъ явленіемъ, если дама гуляетъ по улицѣ съ какимъ-либо мужчиной. Но въ Акмолахъ.... Боже васъ сохрани пригласить какую-нибудь даму погулять или предложить ей услуги проводить до дому,—это сочтется здѣсь самымъ ужаснымъ оскорбленіемъ и самой злой насмѣшкой. Здѣсь этотъ обычай „не принять“, а потому строго карается общественнымъ мнѣніемъ. На особу женскаго пола, рѣшившуюся на такой отважный поступокъ, будутъ смотрѣть, какъ на врага всѣхъ „принятыхъ“ обществомъ обычаевъ, станутъ даже указывать пальцами и сторониться знакомства съ нею. „Барышни“ здѣсь всегда находятся подъ непосредственной опекой бабушекъ, мамокъ, нянекъ, точь въ точь, какъ во времена до-Петровскія! Гулять по городу дамамъ, а тѣмъ болѣе „барышнямъ“, общественнымъ мнѣніемъ строго воспрещается; позволительно только пройтись подъ крылышкомъ бабушки или мамушки въ церковь ко всенощной или въ магазинъ за покупками—и только.... Положеніе, какъ видите, не изъ красивыхъ. Права пословица: „что городъ, то норовъ“....

Мое описаніе Акмолинска было бы не полно, если бы я не упомянулъ о, такъ называемыхъ, „Жатакахъ“. Что такое „жатакъ“? Жатакъ—киргизское слово и значитъ лежащій (жатамъ-лежу). Такъ называютъ киргизы тѣхъ своихъ сородичей, которые оставили кочевой образъ жизни и перешли на осѣдлый. Одни изъ нихъ занимаются торговлей, преимущественно, съ своими же сородичами степняками и, при извѣстной ловкости и изворотливости, часто богатѣютъ, обзаводятся своими домами, лавками и капиталами. Другіе занимаются какимъ либо ремесломъ и трудомъ добываютъ себѣ хлѣбъ. Эти послѣдніе иногда также достигаютъ извѣстной степени зажиточности и охотно приписываются къ городскому мѣщанскому обществу. Большинство же жатаковъ при своей унаслѣдованной лѣни и безпечности живутъ

въ крайней бѣдности и представляютъ изъ себя характерные типы пролетаріевъ. Сдѣлать описаніе ихъ жизни предоставляю корреспонденту „Киргизской Ст. Газеты“ (№ 14—95 г.) съ его эпической простодушностью, какъ челоѡвѣку, несомнѣнно, очень освѣдомленному въ этомъ вопросѣ. „Такіе несчастные (т. е. обѣднѣвшіе отъ лѣности и безпечности) жатаки исключительно живутъ въ сѣверной части города, въ тѣсныхъ, сырыхъ и темныхъ землянкахъ. При видѣ этихъ челоѡвѣческихъ жилищъ невольно задаешься вопросомъ, неужели въ такихъ норахъ живутъ люди? При входѣ въ землянку вы увидите самую бѣдную обстановку, какая только можетъ существовать; вмѣстѣ съ людьми увидите телятъ, ягнятъ, козлятъ, которые своимъ убогимъ видомъ какъ бы дополняютъ печальную картину челоѡвѣческаго жилья. Вѣчно нуждаясь въ средствахъ, обитатели этихъ трущобъ, чтобы удовлетворить своимъ жизненнымъ потребностямъ, прибѣгаютъ къ разнымъ непохвальнымъ способамъ добыванія себѣ денегъ. На кое-какъ заработанные гроши они „алыпсатарничаютъ“ и ловко обираютъ или обманываютъ своихъ степныхъ братьевъ, которые слишкомъ довѣрчиво относятся къ нимъ въ надеждѣ, что тѣ имъ свои люди — не обманутъ и не обидятъ, — и на добытые правдою и неправдою гроши пьянствуютъ, покупаютъ табакъ и играютъ въ азартныя игры. Особенно распространены у нихъ игры: въ „орлянку“ и игра въ „три листика“. Городскіе жатаки цѣлый день готовы проводить въ игрѣ въ „три листика“ — въ особенности съ прїѣзжими изъ степи киргизами. При этомъ они пускаютъ входъ мошенническія продѣлки, благодаря которымъ ничего неподозрѣвающіе простодушные степняки оказываются обобранными до послѣдней копѣйки“.

Я далъ описаніе Акмолинска, — описаніе совершенно безпристрастное. Быть можетъ, эти строки попадутъ въ руки акмолинскаго обывателя и онъ, смущенный нѣкоторыми рѣзкими штрихами, подумаетъ, что авторъ питаетъ по отношенію къ его городу какія либо недружелюбныя чувствованія. Предупреждаю его, что, подумавъ такъ, онъ впадетъ въ ошибку. Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о тѣхъ немногихъ дняхъ, которые я провелъ въ Акмолинскѣ, этомъ оригинальномъ и интересномъ по своей оригинальности, степномъ городѣ, хотя, не скрою, помню и тѣ непріятности, которыя иногда доставляли мнѣ нѣкоторые изъ его не совсѣмъ корректныхъ обывателей. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь будетъ впереди и гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Томскъ.

24 февраля 1899 г.

А. Шерстобитовъ.

Годъ I.

Май — Июнь.

1899 г.

№

№ 6094.

91(57)

625-Кит. III.

05(57) 1899
969-к.е.-III

Дорожникъ

ПО СИБИРИ И АЗИАТСКОЙ РОССИИ

ITINÉRAIRE

À TRAVERS LA SIBÉRIE ET LA RUSSIE D'ASIE

ВЫХОДИТЬ ШЕСТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Книга III.

Томская Окружная Центр. Библиографія П. И. Макушина.

1899.

В КНИГ — ЗАНИМ

Семипалатинская область*).

Площадь земли въ 422245,2 кв. версть, которую занимает Семипалатинская область, въ административномъ отношеніи раздѣлена на 5 уѣздовъ: Семипалатинскій (64.786,9 кв. в.), Павлодарскій (103.788,2 кв. в.), Каркаралинскій (182.430,6 кв. в.), Усть-каменогорскій (41.487,7 кв. в.) и Зайсанскій (49.751,8 кв. в.). Самый сѣверный уѣздъ области Павлодарскій; Семипалатинскій занимаетъ центръ области; Каркаралинскій юго-западную ея часть и Устькаменогорскій съ Зайсанскимъ—въ юго-восточной. Зайсанскій у. примыкаетъ къ Китайской границѣ. За исключеніемъ Каркаралинскаго, четыре уѣзда области съ юга на сѣв.-западъ пересѣкаются р. Иртышемъ, выходящимъ изъ китайскихъ предѣловъ и называющимся до впаденія въ оз. Зайсанъ *Чернымъ*. Въ Семипалатинской области Иртышъ имѣетъ очень мало притоковъ; судоходныхъ же—ни одного. Пароходное сообщеніе существуетъ до Семипалатинска, хотя, на сколько позволяютъ судить неоднократно произведенныя изслѣдованія и опыты, пароходство возможно и выше Семипалатинска, до самаго Китая. Слѣдуетъ замѣтить, что помянутыя изслѣдованія доказали, что въ верхней части Иртыша должны рейсировать пароходы иного типа, чѣмъ въ нижней части этой рѣки.

Павлодарскій и Семипалатинскій уѣзды имѣютъ степной характеръ. Каркаралинскій—холмистый, Усть-каменогорскій почти весь полонъ отрогами Алтая, а Зайсанскій, за исключеніемъ котловины оз. Зайсана, отрогами Алтая-же (сѣверъ уѣзда) и Тарбагатая (югъ уѣзда).

По официальнымъ даннымъ за 1897 г. населеніе области состояло изъ 657,424 душъ об. п. (мужчинъ 359,654 и женщинъ 297,770 чел.). За исключеніемъ изъ общаго количества земли, занятой областью, площади земли, занятой внутренними водами (14.361 кв. в.): озерами Зайсанъ, Балхашъ, Маркакуль и др.,—на 1 кв. версту суши приходится всего 1,5 челов. По національности населеніе области дѣлится приблизительно такъ: русскихъ 72,953, киргизъ 572,658, татаръ и сартовъ 11,118, прочихъ національностей 695. По вѣроисповѣданію: православныхъ 71.446, единовѣрцевъ 320, раскольниковъ и сектантовъ 1336, католиковъ 330, протестантовъ 54, магометанъ 583,627 и евреевъ 311. Наконецъ, по образу жизни населеніе области принято дѣлить на осѣдлое и кочевое, хотя надо замѣтить, что дѣленіе это отличается крайне грубымъ характеромъ, т. к. рѣзкой границы меж-

*) Составлено по официальнымъ даннымъ за 1897 г.

ду этими формами жизни въ дѣйствительности нѣтъ и среди киргизъ, громадное большинство которыхъ относятся къ кочевой группѣ, во многихъ мѣстностяхъ наблюдаются *переходныя* формы жизни, приближающія ихъ то къ осѣдлому, то къ кочевому быту. По уѣздамъ, кочевое и осѣдлое населеніе распредѣляется такъ:

	Осѣдлое.		Кочевое.		Всего.	
	муж.	женск.	муж.	женск.	муж.	женск.
Г. Семипалатинскъ	12.246	11.085	—	—	12.246	11.085
Семипалатинск. уѣздъ	15.041	14.531	62.524	51.033	75.565	65.564
Г. Павлодаръ	2.714	2.386	—	—	2.714	2.386
Павлодарскій уѣздъ	4.542	4.781	70.159	60.232	74.701	65.013
Г. Устькаменогорскъ	45.16	43.59	—	—	4.516	4.359
Устькаменогор. уѣздъ	8 730	8.332	42.182	34.248	50 912	42 580
Г. Каркаралинскъ	1.224	1.031	—	—	1.224	1.031
Каркаралинск. уѣздъ	996	782	84.063	68.426	85.059	69.208
Г. Зайсанъ	2.665	1.531	—	—	2.665	1531.
Зайсанскій уѣздъ	1.738	1.557	45 656	32.893	47.394	34.450
Заштатный г. Кокпекты	658	563	—	—	658	563
	<u>55.070</u>	<u>50.938</u>	<u>304.584</u>	<u>246.832</u>	<u>359.654</u>	<u>297.770</u>
	106.008		551.416		657.424	

Пригородные поселки и слободы въ города не включены.

По сословіямъ осѣдлое населеніе дѣлится: мѣщанъ 27506 ч. об. п. (26⁰/₀ всего осѣдл. населен.), крестьянъ 14767 или 13,9⁰/₀, казаковъ 30942 или 29,2⁰/₀, запасн. и отст. солдатъ 4966 или 4,7⁰/₀ и киргизовъ 21.093 или 19,9⁰/₀.

Земледѣліе. Урожай хлѣбовъ въ 1897 г., въ среднемъ выводѣ, для всей области, былъ нѣсколько выше, чѣмъ въ 1896 году (за исключеніемъ овса), и ниже, чѣмъ въ 1895 г. Урожайность отдѣльныхъ хлѣбовъ, преимущественно засѣваемыхъ въ области, за три года выразилась слѣдующими цифрами:

	Урожай „самъ“		
	въ 1895 г.	въ 1896 г.	въ 1897 г.
Яровой пшеницы	7.4	4.9	6.5
Озимой ржи }	6,5	4.7	5.6
Яровой ржи }			
Овса	7.1	5.9	5.5
Проса	13.2	17.3	21.8
Ячменя	7	5.5	5.4

Урожай картофеля, посадкой котораго занимается исключительно осѣдлое населеніе, былъ самъ 8.6, а въ 1899 г.—6,2.

Приведенныя данныя получаютъ въ значительной степени другой характеръ, если при вычисленіе урожая брать не всю область, а отдѣльные уѣзды. Такъ, напр., получится, что озимая рожь въ 97 г. лучше всего уродилась въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ (7.3) и хуже въ Зайсанскомъ (1.8); яровая лучше въ Зайсанскомъ (6.1) и хуже въ Павлодарскомъ (3.6); высшій урожай яровой пшеницы (7.4) былъ въ Семипалатинскомъ уѣздѣ, проса въ Устькаменогорскомъ (33.1); низкій урожай тѣхъ же хлѣбовъ (3.6—4.3—9.8) въ Павлодарскомъ: овесъ лучше всего родился въ Зайсанскомъ уѣздѣ (6.8), картофель—въ Устькаменогорскомъ (11.4); низкій урожай овса (3.2) былъ въ Павлодарскомъ у., картофеля—въ Каркаралинскомъ (2,1).

Такимъ образомъ, урожай хлѣбовъ 1897 г. можно назвать очень „пестрымъ“, при чемъ, въ общемъ, высшій урожай былъ въ Усть-Каменогорскомъ и Семипалатинскомъ уѣздахъ, низшій приходится считать въ Павлодарскомъ. Въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ, отличающемся горнымъ характеромъ, дожди перепали часто и

на особенно высокихъ мѣстахъ хлѣбъ пострадалъ даже отъ ненастья и раннихъ осеннихъ заморозковъ. Такъ было въ предѣлахъ станицъ Батинской и Алтайской, въ Чингистайской волости и крестьянскихъ селеніяхъ, расположенныхъ въ районѣ оз. Маркакуль. Овесъ почти во всемъ уѣздѣ родился плохо, а мѣстами совсѣмъ погибъ отъ тумана. Въ Черемшанскомъ поселкѣ $\frac{1}{4}$ всего посѣва была выбита градомъ.

Лѣто 1897 г., чѣмъ дальше къ сѣверу отъ Устькаменогорскаго уѣзда, тѣмъ было менѣе дождливое и хлѣба пострадали здѣсь уже отъ засухи. Лѣто въ Семипалатинскомъ уѣздѣ, гдѣ хлѣбъ сѣется, преимущественно, на урочищахъ Бель-Агачъ и Бишкарагай, было среднее; въ самомъ же сѣверномъ Павлодарскомъ уѣздѣ весна началась поздно (какъ, впрочемъ, и во всей области); долгое время стояли холода и ненастье, а затѣмъ наступило сухое лѣто.

Тѣ-же неблагоприятныя условія были замѣчены и въ южныхъ уѣздахъ области, Зайсанскомъ и Каркаралинскомъ: лѣто въ первомъ уѣздѣ отличалось почти полнымъ бездождемъ и воды въ арыкахъ было крайне недостаточно для полива пашень.

Кобылка и саранча ежегодно приносятъ вредъ земледѣлю, но, кромѣ нихъ, въ 1897 г. въ селеніи Александровскомъ, Устькаменогорск. у., хлѣба значительно пострадали отъ какихъ-то жучковъ, которые подѣдали корни, а горохъ въ казачьихъ селеніяхъ того-же уѣзда погибалъ отъ вшей.

Не смотря, однако, на эти печальныя условія, хлѣба въ 1897 г. собрано было нѣсколько больше, чѣмъ въ 1896 г. Сборъ хлѣба въ 1897 г. выразился слѣдующими суммами: ржи озимой собрано въ области 53481 пудъ; яровой ржи 79201 п.; пшеницы озимой 280 п.; яровой пшеницы 2154769 п.; овса 745.045 п.; гречихи 189 п.; проса 372 064 п., полбы 2320 п.; ячменя 78117 п.; гороха 5592 п. и картофеля 216.822 п. Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, что въ области, преимущественно, сѣется яровая пшеница, овесъ, просо, яровая и озимая рожь и картофель. Пшеница озимая, просо, полба—сѣются почти исключительно въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ, горохъ, преимущественно, тамъ-же. Если, вообще, отнять отъ Семипалатинскаго уѣзда Бельагачскую волость и урочище Бишкарагай, то Устькаменогорскій и Зайсанскій (отчасти) уѣзды должно признать житницей всей области. Изъ собраннаго хлѣба приходится на долю осѣдлаго населенія ржи яровой 76274 пуда, на долю кочеваго 2927 п.; пшеницы яровой на долю осѣдлаго 1240776, кочеваго 913.993 п.; овса первымъ 381.811 п.; вторымъ 363.234 п.; проса для первыхъ 73327, для вторыхъ 298.737 и ячменя на долю осѣдлыхъ жителей 60007 п. и кочевыхъ 18110 пудовъ. Ржи озимой, картофеля, гречихи, полбы и гороха кочевники не сѣютъ. Хлѣбопашествомъ кочевники занимаются во всѣхъ уѣздахъ. Въ Семипалатинскомъ уѣздѣ, не считая Бельагачской волости, земледѣліе наиболѣе развито въ волостяхъ Бишкарагайской, Кептюбекской, Аккумской, Сейтеневакой и Арчалинской, наименѣе—въ Дельбегетейской и Айгырджальской. Собраннаго хлѣба приходится на 1 одну душу обоого пола: пшеницы 2,₉ пуда, овса 0,₈ п., проса 1,₆ пуда.

Въ Бельагачской волости у киргизъ своей земли мало; земли волости принадлежатъ большею частью Кабинету Его Величества. Значительная часть этихъ земель раздѣлена на участки и служитъ, за извѣстную плату, пастбищемъ для скота. Киргизы на Бельа-

гачѣ живутъ въ перемежку съ русскими и татарами и здѣсь можно наблюдать почти всѣ формы быта. Значительное число киргизъ этой волости вполнѣ перешло въ осѣдлое состояніе и если еще выставляются лѣтомъ, по старому обычаю, юрты, то не для кочевокъ, а возлѣ зимнихъ избъ, какъ болѣе удобное жилище. Работниками у арендаторовъ земли русскихъ и татаръ служатъ также киргизы *джетаки*. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣются киргизы, перемѣнившіе кочевой образъ жизни на осѣдлый ради занятія земледѣліемъ или торговлей, а также лишившіеся скота, т. е. *возможности къ перекочевкамъ*, и поселившіеся около осѣдлыхъ селеній или на пашняхъ. Вообще же, въ литературѣ подъ именемъ джетака или джатака разумѣются киргизы, которые, по тѣмъ или инымъ причинамъ, выбиты изъ строя прежней кочевой жизни.

Въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ, въ волостяхъ Нарынской, Куджунской и Урькарской земледѣліемъ занимаются почти всѣ кочевники. Затѣмъ—слѣдуютъ волости: Курчумская, Аиртавская и др. Сравнительно мало развито земледѣліе въ Себинской и Чарской волостяхъ. Средній сборъ на 1 душу: пшеницы 2.9 пуд., овса 2.3 п., проса 1.4 п. и ячменя 0.06 пуда.

Въ уѣздѣ Павлодарскомъ первое мѣсто, по развитію хлѣбопашества, занимаютъ волости Алтыбаевская и Урковская; въ волостяхъ Долбинской, Кызылтовской и Чарканской хлѣба не сѣется совсѣмъ. Средній сборъ на 1 душу: пшеницы 0.9 пуда, овса 0.2 п. и проса 0.2 пуда.

Въ Каркаралинскомъ уѣздѣ киргизскимъ земледѣльческимъ центромъ считаются волости Чуйская (по р. Чу), Токраунская (по р. Токрау), Кызылтаевская и Аксаринская. Средній сборъ на душу: пшеницы 0.6 пуда, овса 0.02 пуда.

Наконецъ, въ Зайсанскомъ уѣздѣ кочевое населеніе занимается хлѣбопашествомъ во всѣхъ волостяхъ, особенно же въ Хабарь-Асуйской, Терсъ-Айрыкской, Нарынской, Чоргинской и Кендерлыкской. Сборъ на душу въ среднемъ: пшеницы 3.3 пуда, овса 0.9, проса 0.5, ячменя 0.1 пуда.

Такимъ образомъ, въ 1897 году средній сборъ на душу обою пола преимущественно засѣваемого хлѣба—яровой пшеницы выразился у кочевого населенія (безъ Бельгагачской волости) слѣдующими цифрами: въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ 2.9 п., Зайсанскомъ 3.3 п., Павлодарскомъ 0.9 п., Семипалатинскомъ 2,2 п. и Каркаралинскомъ 0.6 пуда.

Здѣсь при вычисленіи бралось все населеніе уѣзда; конечно, сборъ, падающій на 1 душу, оказался-бы гораздо выше, если бы брать исключительно населеніе, занимающееся земледѣліемъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣній о количествѣ послѣдняго населенія не имѣется. Вообще, не смотря на примитивные приемы обработки полей, урожаи у киргизъ, особенно въ засушливые годы, бываютъ

выше, чѣмъ у осѣдлаго населенія. Этотъ странный на первый взглядъ фактъ объясняется тѣмъ, что среди киргизъ гораздо больше, чѣмъ у русскихъ, употребляется искусственное орошеніе полей.

Раздѣляя населеніе области на осѣдлое и кочевое, необходимо отмѣтить, во первыхъ, что вся послѣдняя группа зиму живетъ осѣдло, а во вторыхъ, какъ сказано уже выше, дѣленіе это отличается весьма грубымъ характеромъ. Такъ называемое киргизское кочевое населеніе области далеко не представляетъ собой въ данное время *однородной* массы кочующихъ дикарей. Различныя причины, историческаго и экономическаго характера, ведутъ къ тому, что въ недалекомъ будущемъ кочевой бытъ смѣнится осѣдлымъ, въ подтвержденіе чего замѣтимъ, что уже нынѣ въ степи можно наблюдать процессъ разрушенія устарѣвшихъ формъ жизни и, какъ результатъ этого, различныя переходныя формы—отъ чисто кочевого до вполне осѣдлаго образа жизни. Какъ и всякій процессъ разрушенія, онъ не легко достается киргизу и степь почти каждый годъ выбрасываетъ сотни бѣдняковъ, не имѣющихъ скота и возможности заняться земледѣліемъ; бѣдняки эти вынуждены искать работы въ осѣдлыхъ пунктахъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, правительствомъ поднятъ вопросъ о мѣрахъ, могущихъ содѣйствовать къ постепенному переходу киргизъ въ осѣдлое состояніе. По свѣдѣніямъ за 1897 г. вполне осѣдло живущихъ киргизъ насчитывается уже 210093 д. об. п., или 3.7% всего киргизскаго населенія области; въ томъ числѣ осѣдло въ городахъ 8816 чел. и въ уѣздахъ 12277. Но послѣднюю группу, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать гораздо большей, т. к. въ зарегистрированныя администраціей цифры не входятъ переходныя формы быта отъ кочевой къ осѣдлой жизни. Остальныхъ земледѣльцевъ составляютъ жители городовъ—казаки, крестьяне-старожила (въ Александровской вол. Семипалат. уѣздѣ) и переселенцы.

Осѣдлое населеніе Семипалатинскаго и отчасти Павлодарскаго уѣздовъ занимаются земледѣліемъ, главнымъ образомъ, на арендованныхъ земляхъ въ уроч. Бельгагачъ и Бишкарагай.

Бельгагачская степь представляетъ собой совершенно плоскую равнину, покрытую довольно толстымъ слоемъ чернозема, съ легкой примѣсью мелкаго песку и глины. На громадномъ пространствѣ вокругъ, на десятки верстъ, здѣсь нѣтъ ни одной рѣчки, ни одного ключа и, вообще, какого-либо воднаго источника. И въ этой киргизской Сахарѣ не представляется возможнымъ устройство колодцевъ, такъ какъ подземныя, болѣе или менѣе обильныя скопленія воды залегаютъ, большей частью, очень далеко. Это обстоятельство привело къ устройству, такъ называемыхъ, *снѣжниковъ*, откуда во время лѣта и добывается вода какъ для питья людей и скота, такъ и для поливки огородовъ. Въ противу-

положность киргизамъ, мѣщане и казаки живутъ въ степи не круглый годъ, но прїѣзжаютъ сюда лишь на время полевыхъ работъ.

На сколько развито земледѣліе среди населенія городовъ, можно судить относительно жителей г. Семипалатинска (безъ прилегающихъ къ нему зарѣчной слободки и казачьей станицы): ржи яровой посѣяно въ 1897 г. было 766 пудовъ, собрано 4175 п.; пшеницы яровой 17765 п. посѣяно, собрано же 106910 п.; овса посѣяно 10222 пуда, собрано 43847 пуд.; проса посѣяно 311 пуд., собрано 1518 пуд.; ячменя посѣяно 53 пуд., собрано 440 пуд.; гороха 185 пуд., собрано 800 пуд., картофеля посѣяно было 871 пуд., а собрано 2930 пудовъ.

Пашни почти исключительно находятся въ ур. Бельгагачъ и частію въ предѣлахъ Томской губерніи.

Казаки въ остальныхъ уѣздахъ занимаются, преимущественно, на собственныхъ земляхъ; частью-же, какъ и горожане, арендуютъ землю у киргизъ.

Селеній крестьянъ-старожиловъ по всей области насчитывается только 5, въ томъ числѣ 3 русскихъ и 2 татарскихъ. Всѣ 5 селеній составляютъ особую волость — Александровскую (граница Семипалатинской области и Томской губерніи). Наличное число душъ въ 5 селеніяхъ въ 1897 г. выразилось цифрой 5364 души об. п. Урожай въ этой волости былъ ниже средняго. У крестьянъ этихъ селеній собрано хлѣба на 1 душу: ржи яровой 4,13 пуд., пшеницы яровой 25,3 пуд., овса 4,4 пуд., проса 1,7 пуд. и картофеля 3,8 пуда.

Переселенческихъ селеній въ области въ 1897 году насчитывалось 13, въ томъ числѣ 9 въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ (Тюсъ-Каинское, образ. въ 1887 г., Балахты-Булакское съ 1889 г., Чаганатинское 1890 г., Николаевское, Александровское, Георгіевское и Маріинское, образов. въ 1893 г., Катонъ-Карагайское съ 1894 г. и Михаило-Архангельское съ 1895 года) и 4 въ Семипалатинскомъ уѣздѣ (Таубино и Карповское съ 1893 г., Знаменское съ 1895 г. и Митрофаніевское съ 1897 года). Кромѣ того, въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ переселенцы болѣе или менѣе прочно поселились на нѣсколькихъ арендованныхъ урочищахъ — Чубаръ-Каинъ и др.

О положеніи хлѣбопашества у переселенцевъ считаемъ не безынтереснымъ привести нижеслѣдующую таблицу:

НАЗВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	Число душъ об. пола.	Посѣяно пудовъ.						Собрано пудовъ.					
		Ржи озимой.	Ржи яровой.	Пшен. яровой.	Овса.	Ячмен.	Карто-феля.	Ржи озимой.	Ржи яровой.	Пшен. яровой.	Овса.	Ячмен.	Карто-феля.
Въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ.													
Катонъ-Карагайское	234	—	—	100	120	48	50	—	—	600	1155	624	500
Михаило-Архангельское	393	10	—	376	12	—	37	0	—	1360	15	—	310
Александровское	243	14	22	483	200	20	140	45	144	2645	520	135	340
Маріинское	414	15	5	1658	680	280	465	90	25	7958	2040	847	1456
Николаевское	74	6	—	312	95	22	90	0	—	710	135	35	215
Георгіевское	386	—	—	2700	630	350	120	—	—	22500	3600	1750	200
Балахты-Булакское	240	60	—	300	108	100	—	750	—	1500	1400	160	—
Тюсъ-Каинское	226	56	—	200	30	64	—	700	—	1200	350	1280	—
Чаганатинское	231	385	—	540	276	212	60	2310	—	4320	1098	1272	200
На ур. Чубаръ-Каинъ и др.	387	12	29	570	195	32	28	150	210	7045	2120	396	135
	2828	558	56	7239	2346	1128	990	4045	379	49838	12433	6499	3350
Въ Семипалатинскомъ.													
Карповское	115	20	—	375	60	—	120	60	—	4000	600	—	430
Таубинское	244	—	—	60	10	—	30	—	—	0	0	—	0
Знаменское	148	—	—	240	79	—	—	—	—	973	274	—	—
Митрофаніевское	404	—	—	720	—	—	—	—	—	7376	—	—	—
	911	20	—	1395	149	—	150	60	—	12349	874	—	430
Всего	3739	578	56	8634	2495	1128	1140	4105	379	62187	13307	6499	3780

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ производился посѣвъ (незначительный) озимой пшеницы, гречихи, проса и др. злаковъ. На 1 душу обоого пола собрано: ржи озимой 1,2 п., пшеницы яров. 16,6 п., овса 3,6 п., ячменя 1,7 п., картофеля 1,0 п., а посѣяно было на душу обоого пола: ржи озимой 0,2 п., пшеницы яровой 2,3 пуд., овса 0,7 пуд., ячменя 0,3 пуд., картофеля 0,3 пуд.

При сравненіи этой таблички съ соответствующими данными о земледѣліи въ Александровской волости (см. выше) не трудно убѣдиться, на сколько хозяйство переселенца стоитъ ниже хозяйства крестьянина аборигена: у послѣдняго на 1 душу сѣется 4,9 п. пшеницы и собирается 25,3 п., у переселенца же сѣется 2,3 и собирается 16,6 пуда.

Кромѣ казачьихъ и крестьянскихъ селеній, въ области, особенно же въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ, разбросано много мелкихъ населенныхъ пунктовъ, вродѣ зимокъ, хуторовъ и проч. Изъ наиболѣе крупныхъ населенныхъ пунктовъ, съ киргизскимъ и частью татарскимъ населеніемъ, назовемъ въ Семипалатинскомъ уѣздѣ ауль Кузембаева, поселенія Джаломановское, Коктерекское, на уроч. Коруку-чаты и др., а въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ селенія, такъ назыв., *чела-казаковъ**)—Мечеть, Букань, Бектемировское и Ахмирово.

Въ 1897 г. въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ образовано *первое* осѣдлое селеніе изъ новокрещенныхъ киргизъ, подъ названіемъ *Преображенскаго*. Здѣсь числится 149 д. об. п., въ томъ числѣ 5 лицъ православнаго духовенства и остальные—новокрещенные киргизы (88 м. п. и 56 ж. п.). Осѣдло эти киргизы жили и раньше... О хлѣбопашествѣ въ этомъ селеніи имѣются слѣдующія, повидимому, сильно преувеличенныя данныя: пшеницы яровой посѣяно 600 пудовъ, а собрано 700 п., овса посѣяно 25 п., а собрано 100 пудовъ, проса посѣяно 40 п., собрано 300 п (?) и картофеля посѣяно 35 пуд., собрано 150 пудовъ. *Преображенское* образовано Буконьскимъ станомъ духовной миссіи; для образованія такого-же селенія отведены земли и другому стану этой миссіи, Долонскому, въ количествѣ 1500 дес. удобной земли, на урочищѣ Щедруха, Семипалат. уѣзда.

Изъ прочихъ видовъ земледѣлія, понимая это слово въ обширномъ смыслѣ, кромѣ хлѣбопашества, исключительно осѣдлое населеніе области занимается огородничествомъ, бахчеводствомъ, табаководствомъ и культурой, такъ назыв., *техническихъ* растений: льна, конопли и подсолнечника.

Огородничество, въ общемъ, развито крайне слабо и продукты его, главнымъ образомъ, служатъ для удовлетворенія самихъ хозяевъ-огородниковъ. Вѣроятно, вслѣдствіе этой неразвитости огородничества, цѣны на продукты огородничества на мѣстныхъ рынкахъ крайне высокія, между тѣмъ, продукты крайне невысокаго качества.

Бахчеводствомъ въ области заняты, главнымъ образомъ, мѣщане и казаки. Масса собираемыхъ арбузовъ и дынь не только служитъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, но также отправляется на плотяхъ и пароходахъ въ города, расположенные внизъ по теченію Иртыша.

Табаководство развито исключительно среди казаковъ Павлодарскаго, Семипалатинскаго и Устькаменогорскаго уѣздовъ.

Производимый табакъ качества, какъ и вездѣ въ Сибири, низшаго, принадлежитъ къ такъ назыв. махорочнымъ сортамъ и, кромѣ потребленія на мѣстѣ, продается подъ названіемъ *линейнаго* (или линейскаго) киргизамъ.

Вслѣдствіе неблагоприятныхъ термическихъ условій 2 послѣднихъ лѣтъ сборъ табаку, а мѣстами и посѣвъ его, дѣлается все меньше. Впрочемъ, это, вѣроятно, временная задержка и первый благоприятный годъ вернетъ посѣвы къ прежнему уровню. За три послѣднихъ года собрано табаку:

въ Павлодарскомъ уѣздѣ въ 1895 г.	3690 пуд.	въ 1897 г.	3339 пуд.
„ Семипалатинскомъ „ „ „	4108 „ „ „	„ „ „	2798 „
„ Устькаменогорскомъ „ „ „	2335 „ „ „	„ „ „	2214 „
„ Зайсанскомъ уѣздѣ „ „ „	18 „ „ „	„ „ „	— „

Въ 1896 г. собрано всего табаку 9200 пудовъ.

*) Чело-казаки—это потомки киргизъ, сартовъ и татаръ, перемѣшавшихся другъ съ другомъ. Официально они входятъ въ составъ киргизскихъ волостей.

Посѣвъ льна и конопли производится, главнымъ образомъ, казаками и переселенцами въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ. Въ Каркаралинскомъ и Павлодарскомъ уѣздахъ ленъ и конопля не разводятся вовсе. Разведеніемъ подсолнечника, кромѣ казаковъ и переселенцевъ, занимаются также, но сравнительно въ большихъ размѣрахъ, жители гг. Устькаменогорска и Семипалатинска.

Скотоводство. До настоящаго времени скотоводство, играющее главную роль въ хозяйствѣ кочевниковъ-киргизъ, вполне удовлетворяло всѣ несложныя потребности этихъ послѣднихъ. Лѣтомъ всегда, а иногда и зимнее жилище киргиза, особенно въ южной части степи, дѣлается изъ кошмы (войлока), приготовляемой изъ овечьей шерсти. Для одежды киргизъ употребляетъ *армячину* (ткань изъ верблюжьей и овечьей шерсти) и тонкій плотный войлокъ, изъ котораго шьютъ халаты. Изъ овчинъ и шкуръ молодыхъ жеребятъ киргизъ шьетъ шубы. Шапку киргизъ носитъ всегда мѣховую; шьется она, большей частью, изъ мерлушекъ, а иногда изъ шкуръ молодыхъ верблюжатъ. Посуда для храненія и квашенія молочныхъ продуктовъ готовится изъ выкопченныхъ кожъ. Скотъ доставляетъ и топливо — такъ называемый *кизякъ*. Главная пища киргизъ лѣтомъ — молочные продукты въ квашеномъ видѣ: *кумысъ* и *айранъ* (изъ коровьяго и овечьяго молока). На зиму заготавливается сыръ (*куртъъ*, *еремчикъ*) и съ осени убивается извѣстное количество скота. Любимая пища киргиза — конина и баранина. Наконецъ, избытки продуктовъ скотоводства, частью въ сыромъ видѣ (кожи, шерсть), частью обработанные (войлокъ, армячина и др.) составляютъ предметъ торговли киргиза на рынкахъ и ярмаркахъ сосѣднихъ поселеній. Лишь только начинаетъ таять снѣгъ и покажутся проталинки, кочевой киргизъ бросаетъ свою зимовку и трогается вмѣстѣ съ стадами туда, гдѣ прошлогодняя трава болѣе всего сохранилась. Когда же снѣгъ совершенно стаетъ и степь начнетъ, мало по малу, зеленѣть, скотъ перегоняется на *уртени*, т. е. на такія мѣста, гдѣ осенью, на пути къ зимовкамъ, была выжжена трава. На такихъ мѣстахъ трава растетъ скорѣе и скотъ быстрѣе поправляется послѣ зимней голодовки. По мѣрѣ роста и роста травъ скотъ постепенно передвигается къ лѣтнимъ стойбищамъ (*джай-лау*). Съ августа кочевники передвигаются медленнѣе, вмѣстѣ со стадами, опять къ зимовкамъ, стараясь попасть туда какъ можно позднѣе, чтобы сохранить на зиму побольше корму для скота. Пастбища около зимовокъ заботливо охраняются отъ погребъ и трава на нихъ вовсе не косится. Сѣна кочевники на зиму заготавливаютъ очень мало. Полудикій киргизскій скотъ довольно легко самъ добываетъ пищу, ударами копытъ докапываясь до травы, покрытой снѣгомъ, котораго, какъ извѣстно, въ степи бываетъ немного.

Эта первобытная система скотоводства, при которой человѣческой трудъ доведенъ до *минимума*, возможна только при наличности большихъ земельныхъ пространствъ. Всякое стѣсненіе въ землепользованіи, отъ какихъ-бы причинъ оно ни произошло, экспроприациіи земель или естественнаго прироста населенія, неизбежно влечетъ за собою или переходъ къ ивой, болѣе интенсивной системѣ скотоводства, съ заготовленіемъ на зиму сѣна и проч., или къ сокращенію скотоводства съ переходомъ къ земледѣлію. Нѣкоторыя данныя позволяютъ предполагать, что въ киргизской степи преобладаетъ процессъ второго рода.

При описанной выше системѣ киргизскаго скотоводства, послѣднее, безъ сомнѣнія, должно находиться въ абсолютной зависимости отъ природы, противъ которой кочевникъ ничѣмъ не вооруженъ. Если поздней осенью или ранней весной выпадаетъ дождь, а послѣ наступятъ морозы и мокрый снѣгъ превратится въ ледяную кору (*гололедица*), тогда скотъ, не имѣя силы пробить эту кору, начинаетъ, за неимѣніемъ корма, падать, а жеребья кобылы, осенью, даже при небольшой гололедицѣ, производятъ массу выкидышей. Хорошо, если такая гололедица образуется не сплошь и останется возможность перегнать скотъ въ другое мѣсто. Но что можетъ сдѣлать кочевникъ, когда ледяной корой покроется громадное пространство (а это бываетъ!) и когда ни сѣна, ни возможности купить его нѣтъ?.. Не мало вреда приносятъ и глубокіе снѣга, сильно продолжительные вѣтры (*бураны*), особенно одновременно съ крѣпкими морозами! Въ результатѣ получается такъ называемый *джутъ*, настоящій моръ, отъ котораго погибаетъ иногда масса скота... Но и до сихъ поръ кочевникъ противъ всего этого безсиленъ: его судьбой и благосостояніемъ распоря-

жаются равнодушная природа, которой нѣтъ дѣла до этихъ маленькихъ людей и ихъ горя!..

Переходя къ статистикѣ скотоводства, нужно замѣтить, что административно-полицейскія данныя о немъ (особенно о киргизскомъ скотоводствѣ) крайне не точны, и есть основаніе полагать, что среди киргизъ скотоводство развито въ гораздо большей степени, чѣмъ можно было-бы судить по этимъ даннымъ.

По свѣдѣніямъ за 1877 г. всего скота въ области числилось 3741674 гол., въ томъ числѣ: лошадей 822013, крупнаго рогатаго скота 452108, овецъ и козъ 2392589, свиней 1075, верблюдовъ 73889 шт. Изъ этого количества на долю кочевого населенія приходится 3534255 гол., или 94,4% всего скота въ области. Въ этомъ числѣ: лошадей 746053, круп. рогат. скота 393384, овецъ и козъ 2321210, верблюдовъ 73608. Такимъ образомъ, 21,1% скота у кочевниковъ составляютъ лошади, 11,1 крупн. рог. скотъ, 65,7 овцы и козы и 2,1 верблюды.

О развитіи кочевого скотоводства въ отдѣльныхъ уѣздахъ можно судить по нижеслѣдующей таблицѣ.

Уѣзды:	Лошадей.	Кр. рог. скота.	Овецъ и козъ.	Верблюдовъ.	Всего.	%
Семипалатинскій	134946	67052	383091	13268	598357	16,9
Павлодарскій	211273	157584	345787	9389	724033	20,4
Устькаменогорскій	91172	33723	280279	2903	408077	11,6
Каркаралинскій	238754	106244	971122	39821	1355941	38,4
Зайсанскій	69908	28781	340931	8227	447847	12,7

Или на 1 душу обоого пола приходится:

Уѣзды:	Лошадей.	Кр. рог. скота.	Овецъ и козъ.	Верблюдовъ.	Всего.
Семипалатинскій	1,2	0,6	3,4	0,1	5,3
Павлодарскій	1,6	1,2	2,7	0,1	5,6
Устькаменогорскій	1,2	0,4	3,7	0,04	5,3
Каркаралинскій	1,6	0,7	6,3	0,2	8,8
Зайсанскій	0,9	0,4	4,3	0,1	5,7

Какъ по абсолютному количеству скота, такъ и по тому его количеству, какое приходится, въ среднемъ, на 1 душу населенія, Каркаралинскій уѣздъ рѣзко выдѣляется изъ остальныхъ уѣздовъ области. вмѣстѣ съ тѣмъ,—это уѣздъ, гдѣ въ значительной степени преобладаетъ кочевое населеніе и гдѣ земледѣліе среди кочевниковъ наименѣе развито. Къ сожалѣнію, официальный источникъ, откуда мы пользуемся настоящимъ очеркомъ, не имѣетъ никакихъ данныхъ о дѣйствительномъ распредѣленіи скота по отдѣльнымъ семьямъ, а между тѣмъ, есть основанія предполагать, что распредѣленіе это далеко не отличается равномернымъ характеромъ.

У осѣдлаго населенія въ 96 г. зарегистрировано скота 207,419 гол. (5,6% всего скота въ области), въ томъ числѣ: 36,6% всего скота у осѣдлаго населенія составляютъ лошади, 28,2% крупн. рогатый скотъ, 34,5% овцы и козы, 0,5% свиньи и верблюды 0,2%.

По отдѣльнымъ уѣздамъ количество скота распредѣляется такъ:

Уѣзды:	Лошадей.	Кр. рог. скота.	Овецъ.	Козъ.	Свиней.	Верблюдовъ.	Всего.
Семипалатинскій	26557	18299	24690	1118	265	114	71043
Павлодарскій	16558	18454	19343	1761	20	7	56143
Устькаменогорскій	19953	15545	17482	2887	790	24	56681
Каркаралинскій	6630	3092	2057	197	—	96	12072
Зайсанскій	6262	3334	1714	130	—	40	11480

На 1 душу населенія приходится: въ Семипалат. у. 1,4, Павлодарск. 3,9, Устькаменогорскомъ 2,2, Каркаралинскомъ 3,0, Зайсанскомъ 1,3.

Если отбросить Каркаралинскій уѣздъ, съ крайне незначительнымъ числомъ осѣдлаго населенія, то оказывается, что скотоводство наиболѣе развито въ Павлодарскомъ уѣздѣ, т. е. именно въ томъ, гдѣ природныя условія менѣе всего благоприятствуютъ занятію хлѣбопашествомъ.

Степной путь.—Отъ Кургана до Акмоловъ.

Я давно интересовался степью. Меня давно манилъ къ себѣ этотъ край своимъ просторомъ и своею жизнью, еще во многомъ сохранившею первобытную простоту. Нетронутый „гнилой цивилизаціей“ онъ интересовалъ меня своими особенностями, казавшимися мнѣ, при свѣтѣ этой „цивилизациі“, крайне своеобразными и достойными того, чтобы посмотреть ихъ. Разказы бывавшихъ въ степи день ото дня все сильнѣе и сильнѣе разжигали во мнѣ желаніе лично самому побывать въ ней и воочию видѣть все то, о чемъ мнѣ говорили. Да и какъ было не увлечься, когда среди рассказчиковъ были такіе страстные поклонники степи, что, „ничтоже сумняся“, громко провозглашали: кто не видалъ степи, тотъ не видалъ ничего! Горячность этихъ „самовидцевъ“, какъ выражались въ старину, естественно передавалась и мнѣ.

Повѣствованія о природѣ степи, дикой, первобытной, но величественной и грандіозной, о нравахъ и обычаяхъ ея обитателей—номадовъ, объ образѣ ихъ жизни и многомъ, многомъ другомъ, для меня интересномъ,—повѣствованія, то картинныя и художественныя, то прозаическія и сухія, въ концѣ концовъ такъ настроили меня, что я основательно утвердиль себя въ намѣреніи во что бы то ни стало побывать въ этомъ интересномъ краѣ и своими глазами повидать всѣ его прелести и своеобразный укладъ жизни его обитателей.

Судьба долго была жестока ко мнѣ въ отношеніи осуществленія моего намѣренія, но, наконецъ, смилосердилась и доставила мнѣ желаемый „случай“ и возможность. Одинъ мой знакомый, уже нѣсколько разъ бывавшій въ степи, отправлялся туда по какимъ то своимъ торговымъ дѣламъ, и, зная мое намѣреніе, разумѣется, не замедлилъ явиться ко мнѣ съ приглашеніемъ раздѣлить съ нимъ дорогу

— Ъдемте! взывалъ онъ ко мнѣ—и вамъ кстати и мнѣ веселѣе. Если вы хотите посмотреть самонастоящую, подлинную степь, то вамъ лучше и желать нечего. Цѣлую половину дороги—500 съ лишкомъ верстъ,—намъ придется ѣхать по степи и почти не видѣть русскаго человѣка. Такого удобнаго случая долго придется ждать! Рѣшайтесь скорѣе и маршъ—до самыхъ Акмоловъ!

Я, разумѣется, не заставилъ долго ждать себя. Я ничѣмъ не былъ связанъ, и потому мнѣ оставалось только съ радостію принять приглашеніе.

Сборы были не долги. Подушка, войлокъ, одѣяло, корзина съ провизіей, чемоданъ съ кое-какими туалетными принадлежностями,—вотъ и все. Поѣхали.

Въ Акмолы намъ можно было проѣхать двоякимъ путемъ. Одинъ путь пролегалъ чрезъ Тюмень, Тобольскъ, Омскъ, по р.р.

Турѣ, Тоболу и Иртышу—на пароходѣ—и далѣе, чрезъ Петропавловскъ, Кокчетавъ, Атбасаръ и Акмолы—трактомъ; другой чрезъ Курганъ, станицу Прѣсновскую—проселочными дорогами—и далѣе степью до Атбасара, откуда до Акмолы также трактомъ. Мы избрали послѣдній, какъ кратчайшій, и рѣшили до Кургана ѣхать на перекладныхъ, а отъ Кургана до Атбасара найти протяжныхъ. Спутникъ мой бывалъ этой дорогой нѣсколько разъ, такъ что обстоятельства и условія путешествія по ней были ему хорошо знакомы. Въ силу этого всѣ дорожныя хлопоты и заботы онъ принялъ на себя. Я же, вполне полагаясь на его опытность и бывалость, съ удовольствіемъ уступилъ ему роль распорядителя и рѣшилъ всецѣло предаться наблюденіямъ и знакомству съ новымъ и интереснымъ для меня краемъ, съ жизнію, нравами и обычаями его обитателей.

На второй день нашего путешествія мы пріѣхали въ Курганъ. Высокій земляной валъ, сооруженный для желѣзнодорожнаго моста черезъ рѣку Тоболъ, закрывалъ отъ насъ городъ до тѣхъ поръ, пока мы не перевалили черезъ насыпь.

Курганъ—небольшой деревянный городъ. До проведенія желѣзной дороги онъ былъ самымъ зауряднымъ, глухимъ уѣзднымъ городишкомъ, какихъ такъ много у насъ на Руси. Расположенный въ сторонѣ отъ большого сибирскаго тракта, на краю губерніи, почти на чертѣ осѣдлости Западной Сибири, онъ представлялъ изъ себя просто „уголь“—и ничего болѣе. Жизнь его тихо и мирно протекала изо дня въ день, изъ года въ годъ, въ предѣлахъ скромнаго масштаба мелкихъ сплетенъ и пересудовъ. Центръ земледѣльческаго уѣзда,—Курганъ всецѣло полагалъ свои интересы въ „хлѣбѣ“ и сопряженныхъ съ нимъ операціяхъ—„купить—продать.“ Купцы торговали, мужики продавали и покупали, чиновники писали и считали, судьи только писали, мѣщане „околачивались“ и „перебивались“, а всѣ вмѣстѣ—ѣли и пили, пили и ѣли,—вотъ весь тотъ циклъ явленій, который прежній курганецъ въ простотѣ душевной называлъ „жизнью“. „Ничесоже бысть“, „мирно бысть по всей землѣ курганской“,—вотъ что приходилось заносить въ свою лѣтопись курганскому Пимену ежедневно и ежегодно. Только изрѣдка случалось ему разнообразить свои записи сообщеніями о пріѣздѣ новаго соборнаго дьякона, „зѣло голосистаго“, или повѣствованіями о какихъ либо дикихъ непристойныхъ выходкахъ мѣстныхъ саврасовъ, вродѣ ночного нападенія на сонныхъ обывателей, взятія приступомъ трактировъ и штурма цѣлыхъ кварталовъ загородныхъ улицъ и слободокъ.

Но вдругъ страшный, грозный ураганъ пронесся надъ городомъ, все въ немъ перемѣшалъ, перепуталъ, сбросалъ все въ кучу и, въ результатѣ, „пріиде на курганцевъ страхъ и трепеть“. Совершенно неожиданно—негаданно Кургану выпала счастливая доля сыграть по отношенію къ остальной Сибири роль „окна въ Европу“.

Наѣхали „анжинеры,“ съемщики, топографы, подрядчики, люди все новые, съ обычаями и взглядами на „жизнь“ для архаическихъ курганцевъ очень странными и диковинными, и, что главное, они, эти люди, отличались такими широкими размахами, и такъ сорили деньгами направо и налево, что „прижимистыхъ“ курганцевъ положительно взяла оторопь. Имъ казалось, что деньгамъ у этихъ людей также нѣтъ счета, какъ „у бездны дна.“

Впрочемъ, эта оторопь у курганцевъ скоро прошла безслѣдно, мѣсто ея замѣнило съ успѣхомъ страстное желаніе „урвать“, „нагрѣть“, „сцапать“, „нажить“. И вотъ „одержимые этимъ недугомъ“, курганцы ударили во вся тяжкія и пустились, кто во что гораздъ. Что тутъ было, какими бурями и вихрями промчался этотъ знаменательный періодъ курганской жизни, — „судить не намъ“. Но вотъ онъ пронесся, дорога проложена, „анжинеры“ и подрядчики отхлынули отъ Кургана далѣе, вглубь Сибири, и курганцы стали подводить „баланцы“. Баланцы оказались довольно приличными. Желѣзная дорога курганскимъ Разуваевымъ пришлась „очинно даже по ндраву“. Они увидѣли въ ней рычагъ, при помощи котораго признали себя въ состояніи повернуть, если не всю землю, то, по крайней мѣрѣ, курганскій округъ. И вотъ они начали повертывать. Повернули сначала мужицкій хлѣбъ, лежавшій „втунѣ“ въ деревенскихъ амбарахъ, на желѣзнодорожный вокзалъ и съ триумфомъ отправили туда, гдѣ его давно ждали. Затѣмъ принялись за масло, за шерсть, за ленъ, за яицы и, наконецъ, за молоко. Особенно прильнули они къ молоку. Куда раньше молоко шло? Почти все даромъ пропадало. Только часть его, въ видѣ масла, находила себѣ надлежащее примѣненіе въ рукахъ капиталистовъ, а остальное все „зря“ поѣдали деревенскіе „мальчишки безъ штановъ“. Вѣдь, такіе лакомки! Имъ ли, маленькимъ „санкюлотамъ“, отгѣдаться свѣжимъ молокомъ! „Не по чину берутъ!“ Специально для этого, за границей, какъ извѣстно, существуютъ „мальчишки въ штанахъ“, люди вполне приличные и потому вполне достойные того, что бы лакомиться этимъ молокомъ въ видѣ вкуснаго сливочнаго масла, намазаннаго на кусокъ того же курганскаго хлѣба. Скоро узрѣли эту вопіющую несправедливость иногородніе, а за ними и мѣстные культуртрегеры и, боля по ней сердцемъ, рѣшили отнять у курганскаго „санкюлота“ молоко, — потому что, все равно, такъ или иначе „іень достанетъ“. Порѣшили и сдѣлали. Понастроили они по курганскимъ деревнямъ маслодѣленъ, поставили въ нихъ сепараторы и кликнули кличъ по „мальчишкамъ безъ штановъ“, приглашая ихъ получить взаменъ лакомства молочкомъ наличныя денежки — и въ придачу синюю бурду, такъ называемый „обратъ.“ И „мальчикъ“ понесъ. Понесъ онъ потому, что, благодаря частымъ заглядываніямъ въ прорубь-

ленное „окно“, онъ устыдился своего „санкюлотства“, своей пестрядевой рубахи и сермяжнаго кафтана домашняго издѣлія, устыдился и захотѣлъ плисовыхъ шароваръ, кумачевой рубахи и казинетоваго „спинжака“, благо все это навезла „чугунка“ и такъ заманчиво разставила по лавкамъ мѣстныхъ купцовъ. Получивъ „наличные“ и обратъ, онъ отправлялся съ первыми въ лавку, а обратъ относилъ домой и здѣсь угощался имъ за здоровье „нѣмецкаго мальчика въ штанахъ“.

Такъ отразилось „открытіе окна въ Европу“ на курганской, да, кажется, и вообще на сибирской деревнѣ. Хотя нынѣ многимъ эти результаты приходятся по нраву, но я не могу сказать, что бы они были утѣшительны. Культура только намѣрена вступить въ Сибирь, а отрицательныя стороны ея, какъ загонщики, уже стремительно бѣгутъ впереди. Разуваевъ и К^о еще только намѣренъ ополчиться во всеоружіи своей культурно-просвѣтительной миссіи на край, ускользавшій до сихъ поръ отъ его вліянія, какъ понятіе объ истинѣ, исповѣдуемой имъ въ формулѣ—„распивочно и на выносъ“, уже властно воцаряется здѣсь. А что дальше будетъ, если... если не будетъ отрубленъ одинъ изъ двухъ концовъ этой культурной палки,—тотъ самый, которымъ она бьетъ мужика по спинѣ.

Я совсѣмъ не хочу принимать на себя неблагоприятную роль Кассандры, а потому ставлю здѣсь точку. Время лучше покажетъ будущее—все, худое и хорошее, и, разумѣется, дай Богъ, что бы оно показало только одно хорошее, и что бы всѣ изъяны, наблюдаемые теперь, стерлись и нивелировались.

Курганъ, какъ я уже сказалъ городъ, деревянный. Въ немъ есть двѣ каменныхъ церкви, но ничего интереснаго для туриста они изъ себя не представляютъ. Есть также нѣсколько каменныхъ домовъ и гостинный дворъ, но построены они совершенно безъ всякаго вкуса и какихъ либо претензій на архитектурность. Пальму первенства по величинѣ и архитектурности изъ всѣхъ курганскихъ зданій нужно отдать находящемуся около города винокуренному заводу мѣстнаго креста Смолина (теперь уже отошедшаго къ праотцамъ). Я видѣлъ заводъ, роскошную заимку и построенный на ней роскошный домъ С. и, смотря на нихъ, живо вспоминалъ, по ассоціаціи представлений, все то, что мнѣ незадолго передъ этимъ пришлось прочесть у г. И. Левитова, въ его извѣстной брошюрѣ „Сибирскіе коршуны“. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ пришло на память то мѣсто изъ „Поѣздки на кумысъ“ извѣстнаго сибирскаго писателя-юмориста М. С. Знаменскаго, въ которомъ онъ говоритъ о другомъ такомъ же сибирскомъ городѣ—Тарѣ, и я, расхаживая по стогнамъ Кургана, декламировалъ про себя, нѣсколько перефразировавъ подлинныя слова автора:

„Къ древностямъ городъ склонность большую имѣеть: многіе тамъ, какъ святыню, хранять, остатки идей допотопныхъ. Впрочемъ, и новымъ не брезгаютъ тоже — по послѣднему слову науки гонять тамъ водку. Жители города гостепріимны: скорѣй у рабочаго въ счетъ копѣйку — другую убавить рѣшатся, чѣмъ пріѣзжихъ гостей не напичкать шампанскимъ и разными винами“. (Стр. 35 и 37. „Поѣздка на Кумысь“).

Въ Курганъ мы пріѣхали въ воскресенье. Не смотря на праздничный день, царила „тишина нѣмая въ улицахъ пустыхъ“. Я положительно сконялся къ мысли, что курганцы проводятъ праздники по пуритански. Отправившись обзрѣвать городъ, я обошелъ нѣсколько улицъ и, за все время прогулки, не встрѣтилъ, кажется, и десяти человѣкъ. Казалось, что городъ или вымеръ, или просто обезлюдѣлъ. Но потомъ изъ разспросовъ свѣдущихъ людей я узналъ, что мои предположенія, какъ и слѣдовало ожидать, оказались очень далеки отъ истины. Просто на просто я вышелъ въ городъ въ такое время дня, когда курганцы всѣ, отъ мала до велика, прійдя изъ церкви отъ обѣдни и плотно закусивши, предавались, по исконному русскому обычаю — объятіямъ послѣобѣденнаго морфея. Послѣ такого объясненія мнѣ стала вполне понятна та картина, которую мнѣ пришлось наблюдать во время своихъ путешествій по пустымъ улицамъ города. Уставъ отъ бездѣльнаго шатанья по городу, я вздумалъ добратся до дому при помощи услугъ извозчика. Завидя на углу одного квартала убогую извозчичью пролетку, я сначала махнулъ рукой, — но пролетка не тронулась, крикнулъ — тоже. Подхожу ближе, машу, кричу, свищу, увы — напрасно, мой „ванька“ спалъ крѣпкимъ сномъ праведника, сидя на облучкѣ своей допотопной колымаги, и мнѣ не малыхъ усилій стоило растолкать бѣднягу! Вотъ, подумалъ я потомъ, послушавъ свѣдущихъ людей, гражданинъ, вѣрный обычаямъ своего города! Вообще, эта исторія со спящими курганцами мнѣ живо напомнила читанный мною гдѣ то анекдотическій рассказъ изъ временъ Ивана Грознаго о какомъ то сонномъ городѣ, проспавшемъ нѣсколько посѣщеній царя. Сколько разъ на день не пріѣзжалъ Иванъ IV, жители его все спали, такъ что въ концѣ концовъ Грозный махнулъ на нихъ рукой и уѣхалъ, оставивъ ихъ также сонными.

„Вечеромъ въ садъ городской поспѣшилъ я“, — садъ — не садъ, а все же дорожки, усыпанныя пескомъ и обсаженные деревьями и кустиками. Но суть дѣла заключалась не въ этихъ дорожкахъ и деревьяхъ, а въ музыкѣ, которая здѣсь играла, и въ лѣтнемъ помѣщеніи клуба съ буфетомъ. Погулялъ я по этимъ дорожкамъ, полюбовался на курганскихъ дамъ и кавалеровъ, которые вели между собою нескончаемыя рѣчи „о цвѣтахъ, о духахъ и о чувствахъ“, послушалъ курганской музыки, — которая,

по прекрасному сравненію Глѣба Успенскаго, очень напоминала собою курятникъ, подвергшійся внезапному нападенію лисицы, и поспѣшилъ къ своимъ пенатамъ, обремененный большимъ запасомъ курганскихъ впечатлѣній. „Теперь все высмотрѣлъ,—думалъ я, идя домой. Жаль только, что не удалось побывать въ соборѣ и послушать дьякона,—любимца мѣстной публики. Говорятъ—удивительно сильный басъ! Жаль!“

Но оказалось, что еще не все.

Возвращаясь изъ сада домой, я былъ пораженъ необыкновеннымъ шумомъ и гамомъ, стономъ стоявшими въ кабакахъ и портерныхъ, которыми городъ обзавелся въ достаточномъ количествѣ и мимо которыхъ мнѣ пришлось путешествовать. „Вотъ, когда, подумалъ я, настоящая то жизнь начинается!“

— Неужели у васъ всегда такъ бываетъ?—спросилъ я ночного сторожа, производящаго какіе то удивительные звуки отъ зыканья своими специальными орудіями, громко раздававшіеся въ ночномъ воздухѣ.

— Нѣтъ, раньше у насъ тихо—смирно было. А это все отъ желѣзной дороги пошло. Много разной голытьбы развелось нынче. Просто житья отъ нея нѣтъ!

Придя домой, я узналъ отъ своего спутника, что онъ уже нашелъ ямщика и коней для дальнѣйшаго слѣдованія. Ямщикъ подрядился везти насъ до станицы Арыкъ-Балыкской, Кокчетавскаго уѣзда, и за разстояніе въ количествѣ около 400 верстъ, на своихъ „харчахъ“ и со своимъ кормомъ для лошадей, взялъ съ насъ только 20 рублей, т. е. приблизительно по 5 коп. съ версты. Я удивлялся дешевизнѣ, а свѣдущіе и опытные люди говорили, что это еще дорого!

На утро намъ оставалось только заготовить провизіей на цѣлую недѣлю и, затѣмъ, отправиться въ дальнѣйшій путь.

Утромъ я проснулся совсѣмъ не подорожному, было уже около 8 ч. и все готово къ отправкѣ. Стоялъ ясный, теплый осенній день. Погода вполне благопріятствовала нашему путешествію. До самаго Атбасара не было ни одного ненастного дня, что было особенно важно для насъ, такъ какъ намъ часто приходилось дѣлать полуденные привалы для кормленія лошадей среди открытой степи, вдали отъ всякаго жилья, какъ русскаго, такъ и киргизскаго.

Возница нашъ былъ крестьянинъ одной изъ подгородныхъ деревень. Дальше „города“ и нѣкоторыхъ селъ уѣзда онъ не бывалъ, почему на меня напало сомнѣніе, чтобы такая неопытность его въ дальнихъ путешествіяхъ не отразилась нѣсколько невыгодно на нашемъ вояжѣ. Вѣдь въ перспективѣ предстояло путешествіе по степи, часто вдали отъ всякаго жилья. Когда я сообщилъ о тревожившихъ меня сомнѣніяхъ своему спут-

нику, то онъ скоро успокоилъ меня тѣмъ, что дорога ему знакома и что проѣхать по Курганскому уѣзду не составляетъ ни какихъ затрудненій, потому что села и деревни здѣсь, все таки, сравнительно очень часты, а по степи идетъ одна дорога и сбиться съ нея при всемъ желаніи не представляется никакой возможности. Къ 9 ч. утра нашъ Матвѣй подалъ намъ пару лошадей, запряженныхъ въ простой крестьянской коробокъ на деревянномъ ходу, и мы, нагрузивъ его своими вещами и провизіей, распростились съ Курганомъ.

Такъ началась наша одиссея.

Погода стояла сухая, ясная. Дорога была покрыта пылью болѣе чѣмъ изобильно, что доставляло намъ не мало непріятностей. Защититься отъ пыли не было никакой возможности и она буквально засыпала насъ. Къ вечеру обыкновенно наши лица, шеи, руки, волосы и вся одежда были покрыты толстымъ слоемъ мелкой пыли; она проникала намъ въ носъ, въ ротъ, такъ что на зубахъ ощущался постоянно хрустъ песка, а на языкѣ и въ горлѣ сухость и перхота.

Чѣмъ далѣе мы подвигались къ югу отъ Кургана, тѣмъ болѣе мѣстность принимала степной характеръ. Селенія стали встрѣчаться все рѣже и рѣже, чаще пришлось замѣчать большія озера, изобилующія разнаго рода дичью, и обширные луга, покрытые больше степною растительностью; почва становилась болѣе солонцеватою, чѣмъ черноземною. Южная часть Курганскаго уѣзда изобилуетъ озерами разной величины, и изъ нихъ есть очень много съ горько—соленою водою. Намъ пришлось видѣть два такихъ горькосоленыхъ озера, расположенныхъ всего на нѣсколько десятковъ сажений одно отъ другого. Одно изъ этихъ озеръ почти совсѣмъ было свободно отъ воды и представляло изъ себя одну только горькосоленую грязь. Мѣстные крестьяне рассказывали намъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ это озеро было полно водой, но въ настоящее время все усыхаетъ и усыхаетъ, тогда какъ то озеро, въ которомъ теперь наблюдается присутствіе воды, наоборотъ, было когда то совсѣмъ сухо. Меня заинтересовало это періодическое высыханіе озеръ,—но ни у кого изъ тѣхъ людей, которые могли бы объяснить мнѣ это явленіе и указать тѣ законы, какими оно обуславливается,—я не нашелъ себѣ удовлетворительнаго отвѣта на интересующій меня вопросъ. Одно только съ вѣроятностью можно допустить, что въ этомъ загадочномъ физическомъ процессѣ скрывается одинъ изъ заключительныхъ финаловъ постепеннаго усыханія того громаднаго воднаго пространства, которое покрывало нѣкогда собою всю арало-каспійскую низменность.

Крестьяне селеній, ближайшихъ какъ къ этимъ озерамъ, такъ къ другимъ, разумѣется, эксплуатировали ихъ, и жаль, что мы са-

ми не имѣли случая наблюдать весь процессъ добычи соли. Но, говорятъ, что работа эта очень тяжела и вредна по тѣмъ послѣдствіямъ, которыми она отражается на рабочихъ.

Озеро, видѣнное нами, очень мелко, и осѣвшую на дно его соль добываютъ специально приспособленными для того лопатами. Работать приходится въ соленой водѣ по поясъ, иногда не выходя изъ нея нѣсколько часовъ кряду. Соль проникаетъ въ поры и пораненіе кожи рукъ и ногъ—разъѣдаетъ ее, вслѣдствіе чего на тѣлѣ образуются раны и язвы. Въ то время, когда рабочій находится въ водѣ, дѣйствіе соли сказывается не такъ ощутительно, но когда онъ выйдетъ изъ нея и пробудетъ нѣкоторое время на берегу, наступаетъ мучительная и страшная боль. Единственное средство утолить ее—это постоянное и непрерывное обмываніе больныхъ мѣстъ прѣсною водою.

Только утромъ на четвертый день по выѣздѣ изъ Кургана мы добрались до станицы Прѣсновской, отъ которой началась уже настоящая киргизская степь. Три ночи, проведенныя нами въ пути отъ Кургана до Прѣсновской станицы, мы переночевали въ попадавшихся намъ на пути селахъ и деревушкахъ. Дорожный день мы проводили такимъ образомъ. Утромъ мы выѣзжали съ ночлега около 6 часовъ, въ полдень останавливались гдѣнибудь въ попутномъ селеніи и здѣсь давали лошадямъ и себѣ отдыхъ, во время котораго сами обѣдали и кормили лошадей. Вечеромъ часовъ около 7—8, а иногда и позднѣе, смотря по тому, какъ далеко отстояли одна отъ другой попутныя деревни, снова дѣлали привалъ и располагались на ночлегъ въ какойнибудь крестьянской избѣ. Спать на дворѣ подъ открытымъ воздухомъ было уже холодно. Изъ селеній, встрѣчавшихся намъ на пути, не было ни одного скольконибудь и чѣмънибудь достойнаго быть отмѣченнымъ. Все это были обыкновенныя глухія села и деревушки, ничѣмъ неотличающіяся отъ массы другихъ такихъ же сибирскихъ деревень. Я даже не помню названій этихъ селеній, за исключеніемъ села Лопатинскаго, въ которомъ я совершенно неожиданно встрѣтилъ своего стараго пріятеля, и поселка Казанскаго, какъ перваго казачьяго поселенія. Но общее представленіе обо всѣхъ этихъ селахъ и деревушкахъ, какъ пользующихся значительнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ, у меня сохранилось хорошо. Большіе основательные деревянные дома, прочныя хозяйственныя застройки на дворѣ, обиліе скота, богатый хозяйственный инвентарь и, наконецъ, тѣ жирныя „шаньги“ со сметаной изъ пшеничнаго тѣста, которыми насъ угощали каждое утро,—все это послужило основаніемъ для моихъ благопріятныхъ заключеній о матеріальной обеспеченности мѣстныхъ жителей. Видно было, что крестьяне крѣпко держатся своей кормилицы „матери сырой земли“ и что почти ничѣмъ еще не поко-

леблена „власть“ ея надъ ними. Натуральное хозяйство стоитъ здѣсь еще на прочныхъ устояхъ и крестьянину нуженъ рынокъ почти только для того, чтобы продать хлѣбъ для уплаты податей. Остальныя потребности въ большинствѣ случаевъ онъ все еще удовлетворяетъ „своими средствами“. Во всякомъ случаѣ, отношенія его къ товарному рынку дальше своей мелочной лавки, мѣстнаго „Мюра и Мерилиза“, нейдутъ. Но какъ не видно здѣсь проявленій отрицательныхъ сторонъ культуры, такъ чужда эта деревня и положительныхъ вліяній прогресса. Грамотность стоитъ на самой низкой ступени, понятія и взгляды довольно первобытны и самый укладъ жизни требуетъ многихъ основательныхъ поправокъ и улучшеній.

Станица Прѣсновская стоитъ на трактовой дорогѣ, соединяющей Омскъ съ Оренбургомъ. Этотъ трактъ носитъ спеціально присвоенное ему названіе „Горькой линіи“, благодаря множеству горькосоленыхъ озеръ, расположенныхъ на всемъ его протяженіи. Вообще, на поверхности всей Западно-Сибирской низменности насчитывается до 10 т. прѣсныхъ и горько-соленыхъ озеръ и болотъ, разной величины и размѣровъ. Это обстоятельство даетъ основаніе нѣкоторымъ изслѣдователямъ, занимавшимся топографіей и геологическими изысканіями въ киргизскихъ степяхъ, строить научную гипотезу, что великая Западно-Сибирская низменность въ доисторическія времена представляла изъ себя дно громаднаго моря, остатками котораго въ настоящее время считаются разбросанныя по всей степи безчисленныя озера и болота. Результатами вѣковой работы, происходившей во внутреннихъ пластахъ, служащихъ основаніемъ данной мѣстности, эта низменность была поднята, и вода, покрывавшая ее, частію стекла по образовавшейся покатости на сѣверъ въ Ледовитое море, а частію осталась на мѣстѣ и представляетъ изъ себя въ настоящее время два внутреннихъ моря Аральское и Каспійское. Эта внутренняя работа въ подземныхъ пластахъ продолжаетъ свое дѣйствіе и по сейчасъ, проявляясь болѣе энергично въ сейсмологическихъ явленіяхъ. Бѣдственное землетрясеніе, бывшее въ 1887 г. въ г. Вѣрномъ, и частыя колебанія почвы въ Туркестанскомъ краѣ и Семирѣччѣ, могутъ служить подтвержденіями непрерывающейся подземной невидимой работы.

Вслѣдствіе того обстоятельства, что киргизская степь была когда-то, въ доисторическое, хотя и не столь отдаленное время, морскимъ дномъ, почвы ея, особенно залегающія въ низкихъ мѣстахъ, еще недостаточно выщелочились и дренировались и, въ силу этого, неподготовлены къ произростенію растительности, къ воспріятію земледѣльческой культуры, особенно въ ея экстенсивныхъ видахъ. Онѣ скоро истощаются и требуютъ обязательнаго примѣненія къ себѣ интенсивныхъ формъ земледѣльческой куль-

туры. Есть огромныя площади, настолько мало вывѣтрившіяся и дренировавшіяся, что совершенно лишены какой либо растительности, какъ, напр., голодная степь. Но время беретъ свое. Почвы, занимающія среднюю высоту по отношенію къ общему уровню степи, вывѣтриваются и замѣтно подготавливаются къ культурной обработкѣ и растительности. Не смотря на губительныя поправки молодой поросли, лѣсные пожары—эти два страшные бича,—изъ сличенія старыхъ лѣсныхъ картограммъ съ новѣйшими, оказывается, что лѣсная площадь не только не уменьшается, а даже увеличивается, благодаря естественному приросту, пополняющему съ избыткомъ порубки и истребленія. Вообще же, по свидѣтельству специалистовъ-ислѣдователей, степь въ настоящемъ своемъ видѣ болѣе можетъ удовлетворить потребностямъ номадовъ-скотоводовъ, чѣмъ осѣдлаго населенія съ преобладающимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, и торопиться, поэтому, заселять ее крестьянами,—значить, по мнѣнію многихъ, предъявлять ей требованія, удовлетворить которыя, по свойствамъ и качествамъ своей почвы, она не можетъ въ достаточной степени.

Станица Прѣсновская—второе казачье поселеніе, встрѣтившееся намъ на пути. Это довольно большое селеніе, имѣющее деревянную церковь, казачью школу, станичное правленіе, почтовое отдѣленіе и, между прочимъ, общественное питейное заведеніе. Здѣсь, кстати нужно замѣтить, что общественная торговля виномъ очень распространена среди казачьяго населенія, такъ что почти въ каждой станицѣ можно встрѣтить общественную, водку. Въ общемъ дивидентъ отъ этой торговли составляетъ въ большинствѣ очень значительную статью станичныхъ общественныхъ доходовъ. Дѣлежъ этихъ дивидентовъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, производится такимъ оригинальнымъ образомъ. Въ какой либо особенно торжественный праздникъ, а чаще, просто, въ первый случившійся, смотря по расположенію общественниковъ, часть водки, составляющая чистый барышъ отъ общей продажи, выкатывается на площадь къ кабаку, и общественники, захвативъ съ собой мѣрную посудину, полуштофъ или шкаликъ, приходятъ и пьютъ въ свое удовольствіе; тѣ же, кто не пьетъ или не хочетъ почему-либо пить, уносятъ долю, доставшуюся имъ отъ дѣлежа, домой. Въ случаѣ отсутствія казаковъ, правомъ на ихъ долю общественной водки—пользуются ихъ жены. Многие изъ получившихъ свою часть, разумѣется, не остаются довольны ея сравнительно небольшимъ размѣромъ, и прикупаютъ „на свои“. Въ результатѣ—съ одной стороны является повышеніе приходныхъ счетовъ общественнаго заведенія и веселыя идиллическія картины съ другой—продолжающіяся иногда до полуночи.

Какъ торговый пунктъ, станица Прѣсновская играетъ довольно значительную роль. По отдаленности другихъ торговыхъ пунктовъ, какъ то: Петропавловска и Кокчетава, киргизы сѣверо-западнаго угла Петропавловскаго уѣзда, въ силу необходимости, тянутъ къ станицѣ Прѣсновской, какъ расположенной въ центрѣ этого угла. Здѣсь производится, главнымъ образомъ, мѣновая торговля: обмѣнъ произведеній степи—сырьевыхъ продуктовъ скотоводства—на продукты товарнаго производства. Въ станицѣ вслѣдствіе этого много лавокъ съ мануфактурными товарами, разной галантерейной мелочью и даже два винныхъ склада; но больше всего скупщиковъ киргизскаго сырья, хотя надо правду ска-

зять, что казаки, живущіе славными традиціями прошлыхъ военныхъ подвиговъ, смотрять на торгашество сверху внизъ. Нерѣдко можно встрѣтить казака, который свысока относится къ торговымъ дѣламъ и предпочитаетъ лучше заниматься ничегоне-дѣланіемъ, сваливъ всѣ заботы и работы на жену и на батраковъ-киргизъ.

За Прѣсновской станицей начинаются киргизскія степи. До станицы Арыкъ-Балыкской, Кокчетавскаго уѣзда, на пути мы встрѣтили только два русскихъ селенія: недавно образовавшійся изъ крестьянъ-переселенцевъ Пермской и Тобольской губерній—поселокъ Ново-Покровскій и поселокъ Кривоозерный, отстоящій отъ станицы Арыкъ-Балыкской въ 40 верстахъ.

Въ своемъ началѣ отъ Горькой линіи степь представляетъ изъ себя ровную плоскость съ постоянно перемежающимися увалами и оврагами: не успѣешь подняться изъ оврага на возвышенность, какъ уже снова опускаешься въ другой, что называется—„съ горки на горку“. Болѣе или менѣе значительныхъ возвышенностей и горъ здѣсь нѣтъ. Сопки начинаются южнѣе, по правую сторону рѣки Ишима. Растительность этого района степи чрезвычайно однообразна: береза и осина, осина и береза, да по берегамъ озеръ и болотъ можно встрѣтить еще ветлу. Красный лѣсъ начинается вмѣстѣ съ сопками.

Береза гнѣздится рощами—«колками», какъ говорятъ здѣсь. Особенно толстыхъ и старыхъ березовыхъ стволовъ мнѣ не приходилось замѣчать, все больше средней толщины. Это обстоятельство невольно наводитъ на мысль, что способность къ питанію и выращиванію лѣса почвою приобрѣтена еще не такъ давно, что можетъ служить однимъ изъ многихъ аргументовъ приведенной мною выше гипотезы о геологическихъ свойствахъ и качествахъ степи и заслуживаетъ того, чтобы на него было обращено вниманіе.

Изъ луговыхъ травъ, произрастающихъ здѣсь, ковыль преобладаетъ надъ всѣми другими. Вся степь сплошь покрыта этой травой, составляющей прекрасный кормъ для киргизскаго скота. Изъ другихъ растений чаще встрѣчается осолодочникъ, дрокъ и др.

Озера и болота полны водяною дичью: утки, гуси, лебеди садятся табунами. Красной дичи также не мало въ лѣсу: дрохвы, называемыя здѣсь степными курицами, куропатки, рябчики, тетерева и др. Я—не охотникъ, и потому не могу особенно вдаваться въ эту специальность. Но что особенно для меня было интересно,—такъ это обиліе сорокъ. Въ мѣстности, въ которой мнѣ приводилось жить до этихъ поръ, сорока—большая рѣдкость. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда на сорокъ былъ большой спросъ на рынкахъ, и цѣна за пару ихъ доходила до 25—30 коп., эта птица, имѣющая своею специальностью «созывать гостей

и приносить извѣстія на своемъ хвостѣ», была положительно истреблена, и я уже нѣсколько лѣтъ не видалъ ни одного экземпляра. Но особенно много здѣсь тетеревовъ. На дорогѣ они часто попадались намъ цѣлыми табунами и взлетали только тогда, когда мы приближались къ нимъ менѣе, чѣмъ на разстояніе выстрѣла.

Итакъ—мы ѣдемъ по киргизской степи. По выѣздѣ изъ станицы Прѣсновской киргизъ намъ попадалось очень мало. Они къ этому времени еще не возвратились съ своихъ *жяйляу*—мѣстъ лѣтнихъ кочевокъ, расположенныхъ вдали отъ станицы, и потому намъ нѣсколько разъ попадались однѣ пустыя *кыставы*—зимовки. Первые киргизы, встрѣченные нами на дорогѣ, были два мальчика, державшіе куда то путь въ скрипучей арбѣ, запряженной дюжимъ воломъ. Эта встрѣча была довольно оригинальна и заставила насъ невольно разсмѣяться. Киргизята ѣхали далеко стороной, когда завидѣли насъ. Потомъ вдругъ, видимъ, повернули къ намъ на встрѣчу и что то громко лопочуть. Мы въ недоумѣніи остановились, и, оказалось, что же? Любопытные киргизята остановили насъ просто на просто затѣмъ, чтобы посмотреть на насъ. Они, видите ли, боялись, какъ бы мы не проѣхали мимо нихъ раньше, чѣмъ они дотащатся до насъ на своемъ лѣнливомъ волѣ, и потому самымъ лучшимъ выходомъ изъ этого затруднительнаго положенія признали нашу остановку. Мы остановились. Посмотрѣли киргизята на насъ, сколько имъ надо было, ударили своего лѣнливца и, не говоря ни слова, двинулись дальше. Потомъ такое простодушное любопытство киргизъ успѣло примелькаться намъ въ достаточной степени. Нѣсколько разъ на дню бывали такого рода казіи: ѣдутъ гдѣ нибудь далеко стороной два—три киргиза, отправившіеся куда нибудь въ сосѣдній аулъ поразвлечься тамъ отъ скуки болтовней съ пріятелемъ, и вдругъ замѣчаютъ нашъ экипажъ. Это для нихъ событіе. Ни мало не медля, они сворачиваютъ въ нашу сторону и подъѣзжаютъ къ намъ. И вотъ тутъ то и подпадаемъ мы подъ перекрестный огонь всестороннихъ разспросовъ любопытныхъ сыновъ степи: куда поѣхали, откуда ѣдете, кто такіе, зачѣмъ, надолго ли, чьи лошади, гдѣ кушлены и т. д. безъ конца. Часто случалось, что, увлекшись этимъ немногосложнымъ разговоромъ, наши случайные знакомые продѣлывали съ нами до двухъ—трехъ верстъ въ сторону, совершенно противоположную цѣли ихъ путешествія. Кинувъ намъ на прощанье „*кошъ, аманъ булъ*“!—прощай, будь здоровъ,—и пришпоривъ своихъ иноходцевъ, наши знакомцы оставляли насъ, часто затѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько времени дать мѣсто такому же любопытному „*азіяту*“, какъ называлъ киргизъ нашъ возница, очень ихъ недолюбливавшій. Но одна изъ такихъ встрѣчъ мнѣ была особенно памятна и ин-

тересна. Намъ удалось встрѣтить киргиза—соколиного охотника и воочію наблюдать этотъ крайне любопытный остатокъ старины.

Охота на дичь съ ловчими соколами и кречетами среди киргизъ, обитающихъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, еще и посейчасъ въ употребленіи. Въ глухой степи, отдаленной отъ русскихъ поселеній, киргизы теперь еще только знакомятся съ пороховъ и дробью. Огнестрѣльное оружіе стало проникать къ нимъ въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ сравнительно очень недавно—въ 50—70 годахъ. До этого времени винтовка была большою рѣдкостью въ киргизскомъ употребленіи и киргизы обходились въ нужныхъ случаяхъ при помощи своихъ первобытныхъ орудій: *айбалты*,—ножей, лука и стрѣль, *суюла* и пр. Не такъ давно было время, когда, по рассказамъ старожилловъ—казаковъ, киргиза можно было устрашить только однимъ тѣмъ, что показать ему ружье. Въ то время, когда административно степь еще не была устроена, киргизы, вспоминая прежнюю пору „широкой и буйной воли“, частенько барантовали, и казаки, посланные въ погоню за барантачами, въ нужныхъ, часто и въ ненужныхъ случаяхъ прибѣгали къ помощи винтовокъ.

Въ первое время, когда киргизы не имѣли возможности видѣть въ своемъ распоряженіи огнестрѣльнаго оружія, они, естественно, робѣли передъ его силой, но нынѣ, когда почти всякій киргизъ имѣетъ у себя хотя какое нибудь дрянное ружьишко или винтовку, иногда даже еще съ кремневымъ запаломъ, дѣло обстоитъ значительно иначе. Отличаясь значительными силою и вѣрностью зрѣнія, киргизы прекрасно научились обращаться съ ружьями и очень хорошо стрѣляютъ. Поэтому охота съ дрессированными птицами, и изъ породы хищниковъ, все болѣе и болѣе вытѣсняется и уступаетъ мѣсто ружейной, хотя и теперь еще есть охотники-любители, имѣющіе прекрасно выученныхъ кречетовъ и соколовъ, оцѣниваемыхъ очень высоко.

Одного такого охотника—любителя соколиной охоты мы встрѣтили на второй день нашего путешествія по степи. Къ сожалѣнію, намъ не пришлось наблюдать самаго процесса охоты, такъ какъ этотъ случайный спутникъ скоро оставилъ насъ и ускакалъ на своемъ иноходцѣ въ первый же встрѣтившійся березовый „колокъ“. Первый же обѣдъ по выѣздѣ изъ станицы Прѣсновской, намъ пришлось совершить подъ открытымъ небомъ въ тѣни густой березовой роши, невдалекѣ отъ меньшаго озера. Мы долго высматривали по сторонамъ какой нибудь киргизскій аулъ, думая въ немъ отобѣдать, но всѣ ожиданія наши оказались тщетными. Наконецъ, желудки наши начали давать себя знать настолько чувствительно и лошади наши такъ приморились, что мы рѣшили расположиться подъ открытымъ небомъ, не выжидая болѣе благодѣтельнаго аула. Закусивъ „въ сухомятку“ чѣмъ Богъ по-

слалъ, мы, затѣмъ, на разведенномъ кострѣ сварили въ мѣдномъ чайникѣ чай. Послѣ чаю мой пріятель остался у костра, а я отправился побродить по лѣсу. Хотя солнце было осеннее, но на открытой степи пригрѣвало, однако, довольно чувствительно, и потому влажный воздухъ и прохлада лѣса были такъ пріятны и освѣжающи, что, право, совсѣмъ не хотѣлось выходить отсюда. Не хотѣлось снова забираться въ свой экипажъ и тащиться по пыльной дорогѣ на солнечномъ припекѣ.

Вечеромъ благодѣтельный аулъ намъ также долго не показывался. Было уже совсѣмъ темно и мы уже совсѣмъ рѣшили расположиться на ночь подъ открытымъ небомъ, какъ вдругъ отъ одного ближайшаго колка потянуло дымомъ и, затѣмъ, вскорѣ заблестѣли огоньки. Несомнѣнно, тутъ былъ аулъ и мы свернули къ нему своихъ лошадей. Скоро лай собакъ, блеяніе овецъ и крики людей убѣдили насъ, что то дѣйствительно былъ аулъ.

Пріѣздъ нашъ произвелъ цѣлую сенсацію среди жителей аула. Очевидно, наше прибытіе составляло для нихъ одно изъ такихъ событій, которыя бываютъ далеко не часты въ ихъ жизни. Говорить по киргизски изъ всѣхъ насъ умѣлъ только одинъ мой спутникъ и потому ему пришлось вести переговоры о ночлегѣ съ обступившими насъ киргизами. Намъ указали большую юрту, въ которой могли намъ дать пріютъ, и одинъ изъ киргизъ вызвался насъ довести до нея. Владѣлецъ этой юрты уже довольно пожилой и, повидимому, зажиточный киргизъ, принялъ насъ очень привѣтливо. Очевидно, принимая насъ, онъ также имѣлъ въ виду до нѣкоторой степени развлечься, оживить новыми впечатлѣніями не отличающуюся разнообразіемъ свою жизнь въ аулѣ.

Насъ провели въ просторную юрту, по срединѣ которой горѣлъ костеръ, и усадили на маленькомъ коврикѣ. Въ юртѣ оказался самоваръ и чайныя чашки. Къ чаю намъ подали молоко въ деревянной чашкѣ съ такой же ложкой, но настолько сомнительной чистоты, что мнительный человекъ, я думаю, совершенно отказался бы пользоваться ими. Чайныя чашки оказались содержимыми въ большей, сравнительно, чистотѣ и, очевидно, употреблялись въ дѣло довольно рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ. Объ этомъ можно заключить потому, что они хранились въ особой шкатулкѣ, изъ которой досталъ ихъ самъ владѣлецъ юрты.

Пока намъ готовился самоваръ, въ юрту набралась масса народа съ очевиднымъ намѣреніемъ посмотрѣть на насъ. Семья пріютившаго насъ киргиза была и такъ достаточно многолюдна, чтобы занять всю юрту; съ приходомъ же постороннихъ, юрта оказалась полной народомъ. Семья владѣльца юрты состояла изъ его жены „байбиче“, двухъ женатыхъ сыновей, дочерей дѣвицъ и нѣсколькихъ внучатъ. Одинъ изъ этихъ внучатъ, повидимому,

Юрта Алтайскихъ калмыковъ (Томской губерніи).
Tente de nomades (Kalmyks) de l'Altaï (Gouvernement de Tomsk).

Киргизская дѣвушка невѣста въ подвѣнчномъ уборѣ („савкуля“) и
дѣвушка-киргизка.
Jeune mariée Kirghise dans sa coiffe de nocés (sawkoula), et jeune fille
kirghise.

пользовался особеннымъ расположеніемъ дѣда. Хорошенькій, узкоглазенькій мальчуганъ положительно не отходилъ отъ старика; онъ все время вертѣлся у него на колѣняхъ, тараща на насъ глазенки и прячась, при встрѣчѣ съ нашимъ взглядомъ, на груди дѣда. „Байбиче“, худенькая преждевременно состарившаяся морщинистая женщина, въ какой то застывшей флегматичной позѣ, сидѣла по другую сторону костра и все время отрывисто и властно командовала надъ дочерью и одной изъ своихъ снохъ, готовившихъ какое то варево въ чугунномъ котлѣ—казанѣ. Дочь ея молодая, высокая, статная дѣвушка, была въ своемъ родѣ даже красивой. Длинная русая коса ея, унизанная серебрянными монетами, спускалась внизъ до пояса, смуглое румяное лицо было довольно выразительно и характерно. По всему видно, что она росла въ нѣгѣ и довольствѣ. Одинъ изъ сыновей старика, младшій, довольно сносно говорилъ по русски, а другой не зналъ ни слова и все время сидѣлъ молча, какъ бы въ раздумьи. Началась бесѣда. Прежде всего намъ, разумѣется, пришлось отвѣчать на стереотипные вопросы—откуда, куда и зачѣмъ,—которые намъ задавалъ младшій сынъ старика, а потомъ уже разговоръ зашелъ о Курганѣ, гдѣ онъ бывалъ нѣсколько разъ, объ Атбасарѣ, Акмолахъ и т. д.

Въ то время, какъ мы закусывали и пили чай, наши хозяева также насыщались тѣмъ варевомъ, которое готовилось въ казанѣ надъ костромъ. Это варево оказалось супомъ изъ барана. Ъли киргизы безъ хлѣба и безъ соли. Хлѣбъ составляетъ для нихъ еще одно изъ рѣдкихъ лакомствъ. Киргизы очень любятъ хлѣбъ и мнѣ впоследствии неоднократно приходилось слышать о немъ такіе отзывы со стороны киргизъ: „вкусенъ русскій хлѣбъ, но добывать его трудно“. Какъ цѣнить киргизы хлѣбъ, мнѣ пришлось наблюдать въ эту первую же встрѣчу съ ними. Когда мой спутникъ, желая доставить удовольствіе нашимъ хозяевамъ, угостилъ старика-киргиза бѣлымъ калачомъ, то онъ сейчасъ потребовалъ ножъ и разрѣзалъ калачъ на части по числу членовъ своей семьи. Отдавъ каждому по частичкѣ и въ томъ числѣ своему внуку, онъ не трогалъ своей части. Когда же мальчуганъ быстро уписалъ свою порцію, и сталъ просить еще хлѣба, то старикъ выдалъ ему по частичкѣ и свой кусочекъ. Тронутый этимъ, мой спутникъ отдалъ мальченку еще полкалача, чѣмъ настолько завоевалъ его симпатію, что тотъ уже не сталъ его дичиться и прятаться отъ него на дѣдову грудь.

Хотя скотоводство до послѣдняго времени составляетъ одно изъ главныхъ занятій, при помощи котораго киргизы добываютъ себѣ средства къ жизни, тѣмъ не менѣе хлѣбопашество начинаетъ находить значительное распространеніе среди кочевниковъ. Особенно оно развито въ Петропавловскомъ и Кокчетавскомъ

уѣздахъ. Въ послѣднемъ есть цѣлые аулы и даже волости, сплошь занимающіеся земледѣліемъ. Такъ, по докладу мѣстнаго податно-го инспектора г. Пищикова, сдѣланному имъ на сѣздѣ податныхъ инспекторовъ степныхъ областей въ 1896 году, картина киргизскаго земледѣлія въ Кокчетавскомъ уѣздѣ представляется въ такомъ видѣ. «Въ Кокчетавскомъ уѣздѣ земледѣліе значительно развито во всѣхъ волостяхъ за исключеніемъ лишь Чалкарской волости. Больше всего кокчетавскіе киргизы занимаются посѣвомъ пшеницы; въ 8 волостяхъ съ 11564 кибитками 2475 кибитокъ ($21\frac{1}{2}\%$) высѣваютъ пшеницу въ количествѣ 21620 пудовъ; затѣмъ высѣвается овесъ (5000 п.), просо (47 п.), горохъ (24 п.). Кромѣ земледѣлія, киргизы занимаются и огородничествомъ».

За наши угощенія намъ также заплатили угощеніями. Намъ предложили жаренія на угольяхъ внутренности свареннаго барана. Они были настолько жирны и невкусны безъ соли, что я положительно съ трудомъ съѣлъ нѣсколько кусковъ, изъ желанія лишь не огорчить хозяевъ своимъ отказомъ. Затѣмъ, старикъ что-то сказалъ одной изъ своихъ снохъ и та пошла въ уголь юрты, гдѣ, какъ оказывается, хранился торсукъ съ кумысомъ. Она быстро взболтала кумысъ палкой, дѣлая руками такое же движеніе, какъ при накачиваніи воды въ насосъ, и налила намъ его въ деревянную чашку, опять таки, довольно сомнительной чистоты. Тутъ мнѣ опять пришла на память «Поѣздка на кумысъ» М. С. Знаменскаго, а именно слѣдующія слова: «юная дѣва ауловъ, съ пріѣздомъ меня поздравляя, чашу большую беретъ, и подломъ рубахи ее обтирая, кумысъ наливаетъ и мнѣ подаетъ сѣй нектаръ пріятный». Но кумысу я все-таки выпилъ больше, чѣмъ съѣлъ бараньихъ кишекъ, потому что я пивалъ его раньше и успѣлъ уже нѣсколько къ нему привыкнуть. Меня поразило, между прочимъ, то странное названіе, которымъ здѣсь именовали кумысъ. Мой спутникъ, напр., постоянно называлъ его въ разговорахъ съ киргизами „шампанъ“. „Шампанъ—бар-ма, шампанъ берсанчъ“—слышалъ я. И теперь я не знаю, какъ по киргизски кумысъ (слово «кумысъ» или «комысъ» по киргизски значитъ—серебро); не зналъ этого и мой спутникъ; не знаю также, почему онъ называется именно „шампанъ“, и коренное ли это слово киргизскаго языка или чужое.

Послѣ ужина я вздумалъ было побродить по аулу и чуть было не сдѣлался жертвою собачьяго гнѣва. Когда я вышелъ отъ юрты, то было уже такъ темно, что едва-едва можно было различить остовы юртъ. Ихъ было немного, всего шесть или семь. Разбиты они были безъ всякаго порядка, на разныхъ разстояніяхъ одна отъ другой. Пройдя отъ своей юрты въ одну сторону и обойдя кругомъ добрую часть аула, я хотѣлъ вернуться съ другой стороны. Но, пока я бродилъ по аулу, сдѣлалось такъ

темно, что было ничего не видать даже въ двухъ—трехъ шагахъ. Естественно, что я потерялъ свою юрту и, пойдя на удачу, попалъ къ другой.

Едва я приблизился къ ней, какъ на меня напала цѣлая стая собакъ съ такимъ оглушительнымъ лаемъ и съ настолько ясно выраженнымъ желаніемъ разорвать меня въ клочки, что я буквально закричалъ благимъ матомъ. Къ счастью моему, кто то скоро услышалъ изъ этой юрты приключившееся со мною несчастье и выбѣжалъ ко мнѣ на помощь. Приведя собакъ въ надлежащія чувства и узнавъ во мнѣ пріѣзжаго гостя, киргизъ, должно быть, понялъ, что я заблудился, потому что, пробормотавъ что то въ вопросительномъ тонѣ и, разумѣется, не дождавшись отъ меня отвѣта, онъ преспокойно взялъ меня за рукавъ и отвелъ въ юрту, гдѣ мы остановились. Здѣсь онъ, конечно, не преминулъ рассказать о моемъ злключеніи, чѣмъ и возбудилъ всеобщее веселье. Старикъ-киргизъ даже добродушно похлопалъ меня по плечу, сказавъ мнѣ что то успокоительне, и во всякомъ случаѣ что то забавное, потому что при его словахъ всѣ снова захохотали. Что именно онъ говорилъ, мнѣ не хотѣлось допытываться.

(Окончаніе будетъ).

А. Шерстобитовъ.

Томская губернія и ея города.

Томская губернія въ административномъ отношеніи дѣлится на 7 уѣздовъ (называвшихся прежде округами) и занимаетъ въ общемъ площадь въ 759,068 кв. верстъ. Расположена губернія между 49° и 61° с ш. и 93° и 108° в. д; граничитъ на с.-зап и ю.-вос. съ Тобольской губ., Акмолинской и Семипалатинской обл.; на югѣ — съ китайскими владѣніями, а на с.-вос. и ю.-вос. — съ Енисейской губ. Уѣзды губерніи занимаютъ слѣдующія пространства: Томскій 5432 кв. м. (260583 кв. в.), Каинскій—1389 кв. м. (67251 кв. в.), Мариинскій—1343 кв. м. (65805 кв. м.), Барнаульскій—2337 кв. м. (114491 кв. в.), Кузнецкій—1779 кв. м. (86087 кв. в.) и Бійскій вмѣстѣ съ Змѣиногогорскимъ—3407 кв. м. (164851 кв. в.).

Южная и восточная часть Томской губерніи гористая. Здѣсь идетъ Алтайская горная масса и, затѣмъ, въ восточной части—пролегаеть горный хребетъ, имѣющій названіе *Кузнецкаго Алатау*. Губернія изобилуетъ и низменностями. Самая обширная изъ нихъ—*Барабинская степь* или *Бараба**), которую можно раздѣ-

*) Желаящимъ ознакомиться съ Барабинской степью рекомендуемъ трудъ Оссовскаго: „Гео-гидрологическое изслѣдованіе Барабы“, изд. Томск. губерн. стат. комит. Томскъ 1896 г. типографія П. Макушина.